Кровавая Сумятица

П. Ф. Алисова.

«Совѣтская власть со всѣми поддерживающими ее — паразиты буржуазіи. Они живутъ на все скопленное ею и ея строемъ. Они все разграбили, опустошили и абсолютно ничего не создали.»

("La débacle des Soviets" par l'Association Financière, Industrielle et Commerciale Russe.)

«Правительство большевиковъ самое жалкое, жестокое, нелѣпое, грубое изъ всѣхъ правительствъ земнаго шара, не исключая дикихъ странъ. Тюрьма и сумасшедшій домъ.»

Чарльзъ Кренъ.
(Американскій посланникъ въ Китаѣ.)

—

„Но сто больныхъ утопій милліонъ воришекъ."

Казачьи Думы.

Предисловіе

Въ апрѣлѣ 21 года, послѣ четырехъ-лѣтняго, невыносимо ужаснаго, кошмарнаго пребыванія въ царствѣ мрака, смерти и лжи, я, запасшись сорока пятью граммами морфія, отправился изъ центральной губерніи въ Москву; твердо рѣшивъ спастись изъ Россіи, въ случаѣ же неудачи — покончить съ собою. Какъ писателя не способнаго подлить душою — при самыхъ лучшихъ условіяхъ — меня ждала мучительная смерть отъ голода и холода.

Тайна тайнъ жизни, именуемая въ слѣпотѣ нашей — случаемъ, столкнула меня съ товарищемъ министра Просвѣщенія М. Н. Покровскимъ, его супругою и занимающимъ важный постъ З. Г. Гринбергомъ. Съ Покровскимъ и его необыкновенно симпатичной супругой я сошелся на пароходѣ въ сентябрѣ 17 года, изъ Бреста, черезъ Атлантическій и Ледовитый океанъ, доставившимъ насъ въ Архангельскъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/papersofpetrfedo01alis

II

М. Н. Покровскій и З. Г. Гринбергъ, говорю о нихъ какъ о частныхъ людяхъ, буквально спасли мнѣ жизнь. Вечека не замедлила рѣзко отказать мнѣ въ выѣздѣ во Францію. М. Н. Покровскій, несмотря на очень спѣшныя дѣла, тотчасъ же отправился въ Совѣтскій застѣнокъ и съ огромною настойчивостью добился разрѣшенія.

Свидѣтель свиданья передалъ мнѣ что на заявленье Малюты-Дзержинскаго, что Покровскій хлопочетъ объ очень опасномъ писателѣ, врагѣ совѣтской власти, показавшемъ уже свою силу въ борьбѣ съ самодержавіемъ, онъ очень логично отвѣчалъ: «Если г. Алисовъ написалъ со свойственною ему силою и рѣзкостью статью противъ Совѣтской власти, то нѣтъ сомнѣнія, что во время взятія губерніи, въ которой онъ находился, бѣлыми, онъ успѣлъ отправить ее заграницу въ вѣрныя руки. Въ случаѣ смерти Алисова въ Москвѣ, что болѣе чѣмъ возможно въ его лѣта и разстроенномъ здоровьи, она будетъ неизбѣжно приписана жестокости, безпощадности совѣтской власти обрекшей его без-

III

-смысленно и безполезно на мучительную гибель, положить на нее, въ виду значенія Аписова, какъ политическаго борца и писателя, неизгладимое пятно, огромно усилить распространеніе статьи; будетъ способствовать быстрому переводу ея на всѣ языки... Если самодержавіе, несмотря на сорока-пятилѣтнюю безпощадную борьбу Аписова съ нимъ, не покусилось на его жизнь, то согласитесь сами какъ же должна дѣйствовать власть называющая себя революціонной, не можетъ же она преслѣдовать его за отсутствіе въ немъ страха мысли, за свободу убѣжденія, ~~и~~ глубочайшую искренность.»

Покровскій и Гринбергъ знал, что у меня ~~выкрали~~ при въѣздѣ въ Москву выкрали въ трамвай всѣ деньги взятыя съ собою и затѣмъ всѣ очень цѣнныя вещи оставленныя въ Москвѣ, ввиду невозможности взять ихъ въ провинцію, у госпожи Каломейцевой, ~~и~~ взявъ въ расчетъ мои лѣта крайне растроенное здоровье четырехъ лѣтнимъ пребываніемъ въ Россіи, сорокъ пять лѣтъ проведенныхъ въ изгнаніи, невозможность въ мои лѣта заработать на жизнь, провоцировали

мнѣ пять тысячъ латышскихъ рублей, давшихъ ~~мнѣ~~ возможность въ Ригѣ дождаться разрѣшенія на въѣздъ во Францію.

М.Н. Покровскій и З.Г. Гринбергъ въ отношеніи меня обнаружили безграничную деликатность, глубочайшее сердечное участіе. — Ручаясь за меня, они ни разу не спросили какого я мнѣнія о совѣтской власти, можетъ быть догадываясь, что я предпочту смерть лжи.

О Покровскомъ служащіе у него говорили мнѣ не разъ, что готовы отдать за него жизнь, что онъ и Гринбергъ пользуются малѣйшей возможностью сдѣлать добро, оказать трудную услугу, часто спасти отъ тюрьмы, смерти.

— П. Ф. Алисовъ.

I глава

Послѣ сорокапятимѣсячнаго изгнанія, пребыванія въ самыхъ культурныхъ странахъ Европы, я въ концѣ сентября 17 года, черезъ Атлантическій и Ледовитый океанъ, подъ непрерывной угрозой взрыва парохода нѣмецкими подводными лодками, черезъ Архангельскъ вернулся на родину.

Она обрушила на мои сѣдины невыносимо долгія испытанія. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ я переживалъ сверхчеловѣческія муки. Нервы не ныли, но стонали при видѣ быстрой гибели Россіи, безпощаднаго крушенія всѣхъ завѣтныхъ идеаловъ. Сѣрый покровъ смерти спускался надъ страною день за днемъ.

Фантастическій, чудовищный разсказъ Эдгара По о паденіи земли на солнце и все растущимъ ужасомъ неминуемой гибели, свершался на яву.

Ничего не теряя, но колоссально наживая, Совѣтская власть продѣлывала надъ ~~темной~~

страной безумныя, кровавыя пробы.
За истязателями, убійцами, ворами все
лисъ слѣпыя, невѣжественныя массы, не
имѣющія представленія о возможномъ
и невозможномъ; о законахъ эволюціи; о
неумолимомъ возмездіи; слѣпо довѣряющія
корыстному сумбуру, построенному на
ученіи Маркса, не предвидящія поразительныхъ сюрпризовъ завтрашняго дня.

Никто не догадывался, что очень скоро
совѣтская власть окажетъ незабвенную
услугу пролетаріямъ всѣхъ странъ, покажетъ
имъ, до боли, ясно, Карла Маркса на практикѣ, явитъ мѣру крахъ неслыханный въ исторіи.

Не присохъ языкъ къ гортани у осмѣливающихся кричать: „Пролетаріи всѣхъ
странъ соединяйтесь„... тогда какъ настоящій крикъ совѣтской воровской души былъ:
„Неучи всѣхъ странъ, вся уголовщина
всѣ желающіе безнаказанно грабить,
истязать, убивать соединяйтесь!„ Призывъ палъ на навозную почву, ~~все~~ теплые ребята всѣхъ странъ откликну=

лись, соединились. Но въ культурныхъ стра=
нахъ были быстро приведены въ порядокъ..
На убійцъ, воровъ, истязателей оперлась Совѣтская
власть, благодаря имъ она тянется четыре года..
Алексѣй Толстой, въ своемъ ясновидѣніи, какъ бы
предчувствовалъ эту возможность сказавъ что
„вся Россія проворовалась..

Съ неслыханною въ исторіи наглостью „Калифы
на часъ" взывали, что они завладѣвшіе стра=
ною въ расплохъ, страною въ которой на сто
человѣкъ восемьдесятъ пять вполнѣ безграмотные,
зачастую смѣшивающіе республику и соціа=
лизмъ съ поматернымъ, опередили не только
весь міръ, но благодаря Марксу, вору пред=
пологаемыхъ, по всѣмъ догадкамъ, радикальныхъ
учителей планеты Марса.

Нужно ли доказывать, что отнынѣ во=
ры рѣшившіе съ помощью пулеметовъ и ру=
жей, разграбить всю страну, набить мил=
ліонами, бездонные карманы, не могли не при=
крываться скрывающимъ безобразную наготу
лоскутомъ — Карломъ Марксомъ ... Въ послѣднее
время, въ культурной Франціи русскій
убійца, воръ не заявлялъ на судѣ, возбуждая

всеобщій хохотъ, что онъ [illegible] коммунисты. Самъ Азефъ, прежде чѣмъ начать свое страшное дѣло, подыскалъ лазейку: „Я предавалъ, губилъ, имѣя въ виду въ концѣ концовъ взорвать все правительство.“ –

[illegible] заявилъ: „Да я получалъ деньги отъ нѣмцевъ, но я на эти деньги устрою у нихъ революцію.“ Другими [illegible]: „Я не только предатель, но [illegible], [illegible], хвастунишка.“

Начавъ грабить по всей Россіи все движимое они неизбѣжно чтобы подлизаться къ народу должны – были ему позволить грабить недвижимое – землю. –

Въ минуты [illegible], въ часы [illegible], я спасалъ себя твердо неустанно: „Вѣрь и [illegible], что родина воскреснетъ [illegible] позора, невиданныхъ ужасовъ, претерпѣвъ невѣдомыя міру испытанья – воспрянетъ изъ хаоса и муки при свѣтѣ разума и ясности науки.

Я твердилъ себѣ: „Ты долженъ довести до конца свою трагическую скорбную миссію. [illegible] разоблачивъ совѣтскую уголовщину, ты призванъ къ самому высшему и самому грозному трибуналу – [illegible]. [illegible] сомнѣній искренности, сила не знающаго страха слова. [illegible] [illegible] [illegible] – призванье..... Въ мукахъ и слезахъ..

кровью изболѣвшагося сердца, сокомъ из мученныхъ нервовъ, ты по мѣрѣ силъ ~~[illegible]~~ возстановишь нарушенные нравственные законы, воскресишь умершую совѣсть, пробудишь въ бездонно падшемъ рабѣ гражданское мужество, любовь къ родинѣ, святое грозное сопротивленіе... ты духовное возмездіе!...„

Ужасающая картина преступленій зиждется на слышанномъ изъ первыхъ устъ, видѣнномъ собственными глазами. Всѣ источники, ввиду моего прошлаго, были для меня открыты начиная съ крестьянъ, рабочихъ, кончая комиссарами – на десять, восемь изъ нихъ втайнѣ, ненавидятъ Совѣтскую власть, служатъ ей чтобы не умереть съ голоду.

Въ продолженіи невыносимо тяжкихъ для меня четырехъ лѣтъ, я глубоко наблюдалъ садистовъ, убійцъ, воровъ отъ Ростова до Москвы.

Моя статья не выйдетъ банальной; пріѣхавъ въ Ригу, я нарочно не прочелъ ни одной враждебной строки о большевикахъ, чтобы невольно не повторить чужое, если же мои краткія разоблаченія совпадутъ

съ сдѣланными ранѣе, это только подтвер=
дитъ ихъ правдивость.

II Глава

Прежде чѣмъ приступить къ картинамъ ужасовъ жизни, семи чашамъ ярости выплеснутымъ на человѣчество, подъ грозные трубные звуки, я долженъ предупредить, что ни тѣни личнаго не примѣшивается къ моимъ правдивымъ описаніямъ. Во вниманіе къ моему сорока пятилѣтнему изгна=нію, борьбѣ со старымъ режимомъ, Совѣтская власть ни разу не допустила, въ отношеніи меня, ни малѣйшаго насилія. Я писалъ въ Москвѣ въ концѣ 17 года и почти до половины 18 очень рѣзкія статьи противъ нея и она ни разу не вычеркнула изъ нихъ, несмотря на цензуру о которой не смѣли мечтать Магницкій, и компанія, ни одной строки. Я ни разу не испытывалъ отъ нея ни малѣйшей непріятности, если не считать величайшею для меня непріятностью сущес=твованіе Совѣтской власти.

Я не остановлюсь на возникшихъ, вскорѣ

въ Іюнѣ 18 года

послѣ моего отъѣзда изъ Москвы „Чрезвычайках“ произошедшихъ, подымающія дыбомъ волосы, утонченныя истязанія тайной инквизиціи. Фотографіи съ труповъ офицеровъ, съ вырѣзанными лампасами, погонами на тѣлѣ, съ просверленными въ живомъ мясѣ звѣздочками, перчатки изъ кожи содранной съ распаренныхъ рукъ, уже давно посланы за границу; невѣроятныя вѣсти облетѣли газеты всего міра. Полный сладострастія садизмъ сталъ для всѣхъ неоспаримымъ фактомъ.

Я глубоко вѣрилъ и вѣрю во всеобъемлющую міровую эволюцію; въ продолженіи сорока пяти лѣтъ я добивался для моей родины строя ставшаго удѣломъ передовыхъ странъ. Кошмарное, кровавое безуміе я наблюдалъ въ Москвѣ и въ особенности въ центральныхъ губерніяхъ, въ провинціи. Наблюдаемое въ одной губерніи, повторялось конечно, съ небольшими вариантами, и въ остальныхъ. Трагедія разыгравшаяся на моихъ глазахъ, надъ людьми самыми близкими мнѣ, подобно перерасла трагедіи другихъ губерній.

По возможности, подавляя болѣзненное негодованіе, буду передавать все что видѣлъ, слышалъ, тщательно провѣрилъ.

Либералы, радикалы, соціалисты, всѣ выдающіеся писатели въ самомъ началѣ возникновенія Совѣтской власти, съ презрѣніемъ, отвращеніемъ отвернулись отъ нея. Какъ люди развитые, они ясно почуяли когтистыя лапы агентовъ-провокаторовъ, напущенныхъ Кайзеромъ; сознали что въ этой апологіи истязательства, убійствъ, грабежей нѣтъ ничего идейнаго, искренняго.

Совѣтская власть позволивъ народу захватывать чужую землю, разносить ненужныя постройки, творить самосуды, имѣла ввиду, съ своей стороны, разворовываніе частной собственности, всей движимости. Въ скоромъ времени, разъѣзжавшіе всюду комиссары дошли до того, что рядомъ съ разграбленіемъ великолѣпныхъ экипажей, породистыхъ лошадей, скота, мебели, платья, бѣлья, золота серебра, цѣнныхъ вещей, принялись стаскивать, съ револьверомъ въ рукахъ, съ рукъ женщинъ не только драгоцѣнныя перстни,

но и обручальныя кольца.

Они утысячерили все темное въ старомъ режимѣ. Сотни тысячъ отчаянныхъ проходимцевъ, зачастую съ уголовнымъ прошлымъ, въ короткій срокъ нажили сотни и сотни тысячъ; стоящіе во главѣ — милліоны.

Преступное правленіе быстро уничтожило не только Думу, но и думы, земство, суды; не остановилось передъ задушеніемъ всей независимой прессы. ~~[illegible]~~, Ночные обыски, тюремныя заточенія, пытки, разстрѣлы, лютыя преслѣдованія стали повседневными, банальными. Самые черные дни самодержавія стали многимъ казаться чуть не розовыми. Вчерашніе рабы въ душѣ, контръ-революціонеры, вопя о свободѣ, яро преслѣдовали настоящихъ революціонеровъ. Мистификація, спекуляція, грабежъ, какъ наглядный, безнаказанный примѣръ, стали заражать выросшія на водкѣ массы.

Не стану называть всѣхъ личностей, такъ какъ малѣйшая ошибка можетъ опозорить неправильно обвиненнаго. Предоставляю старому пріятелю Бурцеву, всегда

при обвиненіяхъ опирающемуся на неопровержимыя данныя, прикрутить къ черному столбу корыстныхъ палачей предавшихъ, продавшихъ, разорившихъ, чуть совсѣмъ не сгубившихъ злосчастную Россію.

Сотни тысячъ землевладѣльцевъ, ни въ чемъ неповинныхъ, были сразу пущены по міру; сотни тысячъ занимавшихъ правительственныя должности выброшены на улицу, и все это за ту состоятельность къ которой такъ усердно стремятся рабочія и народныя массы.

Во всѣхъ странахъ къ лишенію правъ состоянія присуждаются только тяжкіе преступники. Владѣніе вполнѣ законно купленнымъ имуществомъ, какъ бы велико оно не было, конечно нигдѣ не считается тяжкимъ преступленіемъ.

Я авторъ „Христіанство и Соціализмъ", переведеннаго на многіе языки, и въ томъ числѣ на французскій, понялъ колоссальное прогрессирующее значеніе собственности, только тогда когда на разореніе, гибель Россіи она была радикально уничтожена. Въ настоящее время коллективизмъ нивелируетъ человѣчество, сводитъ его на среднее, размѣниваетъ міръ

на дѣлѣ. Собственность спасаетъ все геніальное, великое, сильное, - міровую индивидуальность. Благодаря ей все большее и большее количество сильныхъ смѣлыхъ людей прокладываетъ себѣ новые пути; устраиваетъ жизнь по своему.

Чудовищную тиранію диктатуры пролетаріата съ ея казарменнымъ контролемъ, вѣчнымъ заглядываніемъ въ душу, мы созерцаемъ во всей красѣ въ кроваво кошмарномъ царенiи большевизма. Въ послѣдніе четыре года, углекислота стала россійскою атмосферой; вся страна задыхается, какъ маленькія собаченки на днѣ собачьей пещеры въ Неаполѣ...

Я горжусь предками декабристами; то были настоящіе революціонеры: аристократы, кавалергарды, милліонеры, они уничтожая крѣпостное право, монархію, мечтая свершить переворотъ съ оружіемъ въ рукахъ, знали превосходно что въ случаѣ неудачи, они весь блескъ, всю роскошь жизни мѣняютъ на долгую каторгу...

Варварство было вызвано ярыми наукѣ

ваньями, пробужденьемъ цѣны въ человѣкѣ, [illegible] [illegible]шимъ извращеньемъ исторіи... Крѣпостное право, имѣвшее за собою шестидесятилѣтнюю давность, было выбито изъ ходу... давало полныя права на поджоги, самосуды, убійства, грабежи...

Крестьяне имѣли такое же право, людей выросшихъ послѣ крѣпостного права, тянуть къ отвѣтственности, настолько [illegible] — ихъ самихъ за поголовное лютое звѣрство — Пугачевщины. — Немезида крѣпостного права. Само крѣпостное право было неумолимымъ закономъ историческаго роста, со всѣми его болѣзненными процессами, роковая переходная ступень черезъ которую перешли всѣ страны... [illegible] Пугачева были „Землю и волю", онъ не былъ + товаръ продажный — но [illegible] другіе. [illegible] [illegible] [illegible] былъ... Его раздавили, привезли въ клѣткѣ, четвертовали всенародно на главной площади Москвы, предали анафемѣ... Народъ спокойно созерцалъ пытку и казнь... Но [illegible] Екатерина раздававшая землю, закрѣпившая крѣпостничество — Екатерина представляла ростъ Россіи, въ данный историческій моментъ роковую необходимость, прогрессъ. Пугачевъ регрессъ, разложеніе Россіи, [illegible] [illegible]

Христосъ и тысячу лѣтъ раньше его Будда не останавливались передъ [illegible] вопроса [illegible]: „Любовь ближняго какъ самаго себя, отплатите за зло — добромъ, древо не должно мстить [illegible] [illegible]". Проповѣди [illegible] своимъ [illegible]

жизнь свою... Вѣка шли за вѣками и люди продолжали без устали губить друг друга, - частенько за добро платить злом.. Нескончаемые войны в началѣ XX вѣка увѣнчались міровым изувѣрством, истребленіем рода человѣческаго и помощью неслыханных до наших дней, смерто=носных оружій с неба и земли... кровавым безуміем Совѣтских банд; торжеством разбоя, грабежа...

И не смотря на видимые противорѣчія эволюція свершается.. Путем величайших испытаній, страшнаго опыта, человѣчество до боли медленно завоевывает свѣтлое будущее.. Божественная мораль тихо, неотразимо все болѣе и болѣе охватывает людскія сердца...

III.

Берлин создал совѣтскую сульптицу в немъ во всѣх подробностях, была выработана программа будущих дѣйствій.. Кайзер огромно заплати=л[illegible] гудушками, отправил их в запломбирован=ном вагонѣ предавать Россію

Не нужно удивляться Брестскому миру, что подписали русскіе с ополчѣ прусскими душами... Можно ли было на секунду предположить что предатели, совѣтские провокаторы, [illegible] проданную ими Россію?.. послѣ подписанія мира Кайзер послал в Москву своего послан=

ника Мирбаха, чтобы наблюдать за точнымъ испо-
лненіемъ своихъ плановъ... Возможно ли допустить,
что деспотъ до мозга костей, реакціонеръ Вильгельмъ
призналъ бы Совѣтскую черную банду, не будь онъ
абсолютно увѣренъ, что ея позорные предста-
вители его вѣрные послушные агенты, рабы: Гер-
манское правительство никогда денегъ даромъ
не давало, спеціальныхъ охранныхъ поѣздовъ для
неумолимыхъ враговъ ея государственнаго строя
не устраивало...

Я передаю всю программу германскихъ
властей, сконцентрирую всѣ ихъ [illegible] веленія...

Началась подлая спекуляція на народную
темноту, безграмотность, но программа выпо-
лненная поздно, сгубивъ Россію, не спасла Германію
отъ полной и вполнѣ заслуженной гибели... Кстати
скажу, что послѣ сорока пятилѣтняго изгнанья,
я со скорбью нашелъ неграмотное населеніе Россіи
въ томъ же плачевномъ умственномъ и нравствен-
номъ состояніи. Скорѣе оно опустилось, одичало...

Когда Совѣтская банда, пользуясь отсутс-
ствіемъ регулярнаго войска, укрѣпилась, начала
съ неумолимою, неутомимою жадностью набивать
~~своимъ~~ бездонные карманы, Германское правительство
стало орудовать смѣло и быстро... Отправляя [illegible]
въ запломбированныхъ вагонахъ, [illegible] твердило:

„Растлѣвайте, съ помощью митинговъ,

утомившуюся армію, внушайте ей, толкайте ее, чтобъ она бросилась [illegible] делить землю помещиковъ и состоятельныхъ крестьянъ, пріобретенныхъ землю тяжкимъ трудомъ и лишеньями, разваливать бессмысленно постройки помещиковъ, грабить и разбойничать во всю; скажите ей темной, невежественной, что на душу придется по двадцати пяти десятинъ — всемъ намъ знакомымъ съ Россией известно что поделивъ всю землю Азиатской и Европейской Россіи, исключивъ тундры и песчаные пустыни, на человека врядъ ли придется одна десятина . . . .

Науськивайте, натравливайте солдатъ и матросовъ на ихъ офицеровъ, пусть избиваютъ, безъ высшихъ военныхъ чиновъ и офицеровъ, армія, флотъ, безопасное стадо .. Намъ не придется сражаться, но по просту избивать! (бывшіе немцами Украины подтвердило блестательно ихъ слова) Но этимъ не останавливайтесь, зажгите по всей Россіи междоусобную резню, пробудите Каина. Навербуйте армію изъ отребьевъ, грубыхъ хамовъ, подготовьте безпардонной бранью сулящей всевозможные блага, [illegible] которые благодаря бесконтрольным [illegible] будущности станетъ микроскопическимъ [illegible]

Дайте возможность красной арміи всюду безна-
казанно грабить, насильничать, надругиваться надъ
безоружнымъ населеньемъ... Этимъ путемъ Россія
потеряетъ свою последнюю силу... Изъ всѣхъ партій
безпощадно других преслѣдуютъ Кадетскую
она за союзниковъ и способна создать въ далекомъ буду-
щемъ — свободный строй — настоящее правительство...

Намъ государственникамъ, стойкимъ стражамъ
нашего порядка, правителямъ культурной страны,
омерзительны, такъ фривольно идущіе на гнилого
червячка — мечущіеся и потемкахъ бунтари, не
предвидящіе завтрашняго дня; ребятишки
въ политикѣ, полоумные въ соціализмѣ; не имѣ-
ющіе представленія о возможномъ и собственно
невозможномъ... Но увы все это намъ необходимо —
„Германія выше всего, прежде всего...

Украйну и всю южную Россію, послѣ
истощенія междоусобной войны намъ придется
отнять.. Не скрываемъ это разъ мы выйдемъ по-
бѣдителями, мы отдадимъ Украйну — Австріи
для упроченія нашихъ побѣдъ, въ виду полнаго ослабленія
Россіи...

Повѣдайте [illegible] что намъ дорого

крайняго абсурда... Ломайте, безплодно на свою голову, на обумъ, зря, всѣ вѣковые устои. Громоздите, съ свойственнымъ вамъ бахвальствомъ, безуміе на безуміи, преступленіе на преступленіе. Загл-усивайте стѣны домовъ декретишками, которые безстыдно сгніютъ раньше чѣмъ бумага отъ непогоды...

Въ южной Россіи, Украйнѣ когда намъ нужно будетъ мы живо и безпощадно истребимъ васъ дикарей...

Возбуждайте всюду пожары, самосуды, убійства, грабежи, стравите все состоятельные всѣхъ богатыхъ, разоряя ихъ вы становите на [illegible] обнищаніе Россіи... Подло, разбойнически перекладывайте все цѣнное изъ кармановъ дѣловыхъ, знающихъ, опытныхъ людей, обогатившихъ страну въ карманы хулигановъ, пропойцъ, людишекъ съ уголовнымъ прошлымъ...

Безконтрольнымъ, абсолютно неумѣлымъ управленіемъ, сведите рубль на десятитысячную долю грошевой копейки... Останавливайте сумасшедшими цѣнами на трудъ всѣ коммерческія предпріятія; Запрашивайте миллионы, уничтожайте никогда очень цѣнные бумаги — мы скупимъ ихъ за безцѣнокъ, и въ свое время. когда б[illegible] пробьетъ назначенный моментъ...

Отказывайтесь, Кто

Какъ послѣдніе люди, отрекитесь отъ государственныхъ долговъ; подымайте противъ себя всѣ униженныя страны — они раздавятъ васъ задолго...

Преслѣдуйте животворящую силу страны — ея мозгъ, свѣтлое будущее — интеллигенцію, которая гибла въ Сибири, крѣпостяхъ, тюрьмахъ, на эшафотѣ за свободу родины. Не предчувствуя васъ, разсчитывала самодержавіе.

Травите какъ шпіоновъ, уголовныхъ преступниковъ — буржуазію, пользовавшуюся еще вчера почетомъ, создавшую безчисленные благотворительные учрежденія, громадно обогащавшую Россію.

Впослѣдствіи, когда мы вполнѣ овладѣемъ движеньемъ, станемъ полновластными, мы надоумимъ васъ, если вы сами не догадаетесь грабить церкви. Сдирать съ иконъ золотые и серебренныя ризы, тащить драгоцѣнные камни, разворовывать богатѣйшія ризницы въ русскихъ церквахъ, даяніями вѣрующихъ, въ продолженіи вѣковъ собранныя неисчислимыя сокровища, а намъ, разореннымъ въ концѣ войной

нужны:- Золото, золото, еще золото, серебро, серебро!!...

Убивайте дикой, неслыханной цензурой - судами безграмотных, лживых [illegible] - про[illegible] фантастическими штрафами независимую прессу, могущую разоблачить все наши козни, тайные замыслы, за=кулисную деятельность, обнаружить ваше предательство, пред[illegible]

Расхищайте как разбойники в темном лесу имущество сотен тысяч землевладельцев; отбирайте с револьвером в руках все [illegible]. Пусть мы постараемся все вернуть, [illegible] возбудимъ всеобщую [illegible]. [illegible] скрытые силы. Нам надо орудовать на два фронта.. Во время полного обезумения земли, в дни всеобщей паники, мы тайно скупимъ в самомъ сердце России за безценокъ самые крупные имения, укрепимся в нихъ какъ в маленьких крепостях...

Доведите всеобщее разворовывание, разорение, разгромы, [illegible], кровавую [illegible] до размеров [illegible] самые [illegible] патрі=

мы начали ломить нас, водворить порядокъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ.. Увидѣли въ насъ спасителей, возрождающих страну; встрѣчали съ цвѣтами..

Не забывайте и мелочей, стащите гордо высящагося с саблею на конѣ, на конѣ на главной площади Москвы, легендарнаго, непримиримаго врага нашего: Скобелева. Онъ слишкомъ назойливо напоминаетъ русскимъ о чести, героизмѣ, горячей любви къ родинѣ.. Чѣмъ болѣе совѣтская власть будетъ губить Россію, набивать денно и нощно свой бездонный карманъ тѣмъ менѣе Россія будетъ намъ сопротивляться.. Предательствомъ измѣною союзникамъ закрѣпите презрѣніе къ настоящей — неповинной странѣ, терпящей васъ.. Главное убейте кредитъ, безъ котораго война съ вашей стороны не мыслима..

Раскройте настежь Россію для нас одних.. Заставляйте слѣпо исполнять всѣ наши велѣнія. Все разсыпанные по всей Россіи вѣрные наши агенты, изучившіе психику страны свергнутъ все нужное, мы двинемъ къ вамъ весь избытокъ коммерческих силъ. Заставивши

подняхъ торговый и размахъ невѣдомый до нашихъ дней.. Въ разложившейся, неспособной сопротивляться странѣ, мы учредимъ вмѣсто смѣхотворной диктатуры, спившагося, одурѣвшаго, зазнавшагося до сумасшествія пролетаріата: нѣмецкую диктатуру Гогенцолерна..

Мы учредимъ всюду наши банки, фабрики, заставимъ работать на нихъ вашихъ избаловавшихся рабочихъ по очень дешевой цѣнѣ.. Намъ нужны не одни колоніи тамъ впереди; необходимо немедленное обогащеніе, мы въ конецъ истощены ~~войной~~ нашими побѣдами...

Необъятная Россія станетъ для насъ Эльдорадо; мы воскресимъ миѳологическое золотое руно.. Разработаемъ все что не умѣла разработать она сама... Въ нѣдрахъ ея скрыты неистощимые сокровища.. Мы пріучимъ порабощенныхъ нами, крайне отсталыхъ, грубо невѣжественныхъ сосѣдей къ строгому порядку, къ умѣнью сообразоваться, понимать что можно и чего нельзя..

„Мы взнуздимъ, смиримъ, выросшій на алькоголизмѣ взбалмошный нелѣпый темпераментъ, отучимъ отъ карикатурныхъ такъ называемыхъ революціонныхъ [illegible].

мы передадимъ имъ. „Мальчикамъ безъ штановъ — внѣшнюю культуру … Пріучимъ къ мылу, соскребемъ съ нихъ вшей, подстрижемъ непозволительно-разросшіяся бороды … Пріучимъ сморкаться не пальцами а въ платокъ … Взявъ въ разсчетъ колоссальное населенье — мы на однихъ платкахъ изъ дешеваго коленкора наживемъ милліоны …

Мы быстро отучимъ ихъ, прибѣгнувъ къ суровымъ мѣрамъ, отъ омерзительной, двадцати пяти этажной ругани, позорящей — публично, родившихъ ихъ въ мукахъ и слезахъ матерей … Мы превратимъ ихъ жилища — въ человѣческія … Водворимъ въ городахъ чистоту. — До настоящей культуры они не доросли; они дикари, варвары; при первомъ ослабленіи желѣзной руки способные перерѣзать другъ другу, все, все безсмысленно разграбить …

Благодаря крайнему невѣжеству, они не разсуждая, вѣрятъ самымъ наглымъ брехнямъ льстящимъ имъ … Ихъ ростъ долженъ свершаться очень медленно, но онъ намъ не грозитъ … При быстромъ развитіи они не будутъ вполнѣ послушны, и насъ сметутъ.

угнетать наше благотворное, отрезвляющее влияние..
Въ случаѣ же неповиновенія, дерзновеній
мы прибѣгнемъ къ чисто русскимъ дивно
дѣйствующимъ мѣрамъ, не исключая плетей
и розогъ; что русскому очень поучительно,
здорово, что нѣмцу – смерть...

„Намъ стало тѣсно, душно въ родной
странѣ, мы не плодимся но въ нѣкоторомъ
родѣ – мечемъ икру, для будущихъ покореній кол-
пози-всего міра намъ это нужно.... Благодаря
этому, мы должны переселить крупную
часть населенія... Полное разложеніе арміи
патріотизма, сдѣлаютъ насъ владыками Россіи..

„Если наша разгромъ устоитъ и послѣ
войны, – не водворятся замышляемыя нашими
врагами, независимыя народности, не вос-
торжествуютъ: Соединенные штаты Европы,
мы постараемся упрочить въ Россіи режимъ
вполнѣ Вильгельмовскій, на юнкерской
крѣпкой подкладкѣ безъ износу, очень
пріятный, необходимый намъ.. Мы уста-
новимъ династію безъ возможнаго, рискован-
наго повторенія Распутинщины, покорную намъ
во всемъ; угадывающую наши желанія, часто
не подлежащія оглашенію.„

Планы и желанія Кайзера и воен=

ной партии, изложенные мною, блестяте-
льно подтверждены [illegible]
диктатуры Вечека...

Презрение, ненависть к России, обуре-
вавшие всегда немецкое правительство, далее
идти не может...

Со скорбью должен сказать, что страна
в первые же месяцы не [illegible], что власть
захватчиков не более как верхушка [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible], страна выдерживает в [illegible]
не пять лет, без поголовного восстания, не смотря
на таких [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]: голод, холод, [illegible], [illegible]
междоусобная [illegible] [illegible] [illegible],
разруха, заслуживает крайнего удивления.

Германские агенты, с немецкою
последовательностью [illegible] без [illegible] Кайзера
и военной партии, насыпали мест за
вмешательство в войну... Что не удалось
им в культурных странах, то вполне
удалось в стране безграмотной и темной,
но темной про которую великий знаток народа ска=

зелъ давно: „что она вся проворовалась“. Эта повольная склонность къ разворовыванью сказалась вполнѣ. Благодаря ей большевистская афера удалась, длится чуть не пять лѣтъ. -

Большевики день за днемъ, сознательно и безсознательно, становились все больше и больше игрушками ловкихъ нѣмецкихъ агентовъ; ихъ когти захватывали мертвой хваткой направляя преступныхъ захватчиковъ на путь безумій, преступленій, другими словами по исконнымъ въ нихъ надобностямъ, уготовляя имъ побѣды. . .

Когда я наблюдалъ идеализируемыхъ нашими лучшими писателями великихъ поселянъ, крестящихся на всѣ церкви, хорошо знакомыхъ съ божественною заповѣдью „не укради!“ растаскивающихъ чужое добро и копившихъ награбленное, я говорилъ себѣ: - Шесть лѣтъ назадъ такое задорное поведеніе кончилось бы довольно продолжительной тюрьмой.

Когда же вира собственными глазами, видѣлъ комиссаровъ разъѣзжающихъ въ ворованныхъ экипажахъ, на ворованныхъ рысакахъ, въ ворован=

ном, блестящимъ костюмамъ съ кратковременными женами съ драгоцѣнными перстнями на тонкихъ пальцахъ, сановниковъ съ револьверомъ въ рукахъ, съ рукъ состоятельныхъ женщинъ, видѣлъ ихъ квартиры съ награбленною роскошною мебелью, я думалъ — шесть лѣтъ назадъ такiе [illegible] погоны, такая меблировка, весь [illegible] установившiйся комфортъ [illegible] бы [illegible] — комфортомъ арестантскихъ ротъ. Какъ все измѣнчиво подъ солнцемъ и луною... Я не разъ спрашивалъ себя: я ли сошелъ съ ума и это только кажется мнѣ или вся моя [illegible] благодаря Марксу весь великiй мiръ [illegible] Родина... какъ страна необычайныхъ неожиданностей переживаетъ эту мерзкую — злостную бѣлую горячку...

О Боже, какъ [illegible] называли большевики наше сумятицу — остроумно!

„Меня интересовало [illegible] — [illegible] [illegible], не [illegible] [illegible] не быть монархистами [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] тогда какъ высшiй персоналъ „арестантъ остервенѣлый" [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] въ рукахъ у нихъ же помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

заграбастать [illegible] отрицательного [illegible] — „все мое и все твое мое".

А похоть веков были темные ребята, а ножи в руках. Но жизнь в массах, отрицавших собственность, — но они за это обыкновенно попадали в каторжные работы, а в старое время их пороли плетьми... Диктатуру пролетариата с изобретателем Карлом Марксом, они бедняжки не предчувствовали — никаким нюхом, [illegible]. [illegible]

[illegible]

[illegible] в Кремль, конечно предварительно разграбленном [illegible]

[illegible] — Диктаторский восторг? Почему охраны царских поез=

Двѣ [illegible] тайными сыскная [illegible] чуть не преступленьемъ, а безпрестанные шарканья безумно зазнавшихся вшей по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, въ тѣхъ же царскихъ вагонахъ, съ охраною неимовѣрно превосходящую царскую, должно возбуждать умиленье, трепетный восторгъ, какъ послѣдніе ра= достижения [illegible] [illegible] Вѣжка...??

Почему проходъ въ Кремль при царскомъ, [illegible] [illegible] не [illegible] на покушенье, не представлялъ ни малѣйшихъ затру- дненій? тогда какъ [illegible] входъ въ [illegible] [illegible] провозвѣстники [illegible] [illegible] удостовѣреній, [illegible] соизволеній, [illegible], снисхожденій [illegible] Кремля, охраняя [illegible], денно и нощно дежуритъ многочисленная вооруженная до зашейка строго преисполненная водки и безпредме= тной ярости, аки левъ рыкающая, готовая искалѣчить [illegible] [illegible] получены [illegible]-

ного паспорта для неслужащихъ, требуется год[ъ] или два времени, тогда какъ при условіи [illegible] свободъ, которыя якобы завоеваны не только въ планетѣ но и по слухамъ изъ совѣтскихъ источниковъ весь Млечный путь и даже туманныя пятна, требуется годъ или два [illegible] [illegible], но [illegible] канцелярскія служащіе [illegible] не отличаются бюрокра= тизмомъ, [illegible] и [illegible] [illegible] терпѣніе [illegible]= [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], въ случаѣ же отвѣтовъ упоминаніемъ в сто-маленьки..

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ноль сапогъ, пара которыхъ в разгаре блистательного состоянія Совѣтскихъ финансовъ обходится в 22 года в [illegible] милліоновъ рублей.

Люди могущіе получить паспорта предста вленій крайне меньшинство, большинство получаетъ разр[illegible] отказъ. нерѣдко съ угрозами репрессіи.

Приходится съ рискомъ жизни и тратой десятковъ милліоновъ тайкомъ переправляться через границу..

[illegible] годы. [illegible] самодержавной эмиграціи не превосходила нѣсколькихъ тысячъ, въ періодъ [illegible] не только христіанскаго, но и мусульманскаго съ гуріями рая, эмиграція дошла до нѣсколькихъ милліоновъ и [illegible].

Послѣ [illegible] Александра II [illegible] Цесаревичу Александру III не снилось въ порывѣ мести, замучивать [illegible] десятки-сотни тысячъ людей [illegible] только за то, что они не вполнѣ сочувствуютъ самодержавію... Но когда [illegible] Ильичъ [illegible] возмущался [illegible] преступленіями. Ученики его, диктатура пролетаріата, другими словами [illegible] замучила, разстрѣляла, тысячи людей, воля что за одну каплю сифилитическаго Ильича, она прольетъ рѣки крови...

Подумать мучительно, до чего должна [illegible] всю эту лютость, ни за нѣмецкаго агента провокатора, [illegible] Россія, [illegible] всевозможныхъ каторжниковъ въ четыре года.

разграбить, опустошить, заморить голодом, холодом всю Россию.

Неужели всем забыть, что огромные массы [illegible] воинов [illegible] в [illegible] [illegible] [illegible] кричали: „Вот проклятый предатель, [illegible] к Пруссии мерзавец!"

Иуда окаянный, раскаявшись с гневом бросил [illegible] и [illegible], [illegible] дрожит без ветра, по мнению народному от ужаса, что на ней удавился предатель Христа.

[illegible] трудно рассказать, [illegible] не [illegible], но [illegible] грабить, грабить, замерзывать, замерзывать, убивать, убивать.

[illegible] раз она не сошла на века с исторической сцены.

В самые ужасные дни, [illegible], в разгар покушений, после самой гибели Александра II измена в самых [illegible] кругах только предполагалась, но никогда не становилась неоспоримым фактом, тогда как под-

кучами, райских садов, в столицах и во всех российских городах [illegible] трупами, с отрезанными ногами, руками, детородными членами, выколотыми глазами, с гвоздями в черепе, распятыми... в Харькове мне говорили что детородные члены и особенно смаживанья отрезали садистки Ве.чека.

Что же касается до казней, то можно смело сказать, что самодержавие с водворенья [illegible]

[illegible] вериль что не стибло... Въ исторіи зло, а нашей [illegible] добрало предохраняющимъ отъ новыхъ ужасныхъ ударов жизни.. Въ Исторіи же доброе, справедливое, трудно доста-[illegible]

[illegible] атестатъ зрелости.. Этотъ ответъ, какъ не безу-[illegible] мно отставшіе, продолжали бы питать все [illegible] гуть удастся, что кто всем [illegible]

Что революція [illegible] къ торжеству свободы, права, справедливости, ко всеобщему братству; что мы быстро двинемся впередъ, а не отступимъ на тридцать лѣтъ назадъ, [illegible] [illegible]...

Мы въ XX вѣкѣ свершили неслыханную миссію — [illegible] весь міръ отъ [illegible] Карла Марксовскихъ идей. [illegible] какъ хирургическое [illegible] [illegible]...

Я ни капли не удивлюсь, если неожиданно [illegible] [illegible] Россіи, выполнили съ точностью планъ Вильгельма и всѣхъ реакціонеровъ Германіи — довели Маркса до неслыханнаго абсурда; выпустили коммунистическую — такъ называемую — революцію; возбудили къ ней всеобщее отвращеніе...

[illegible] крахъ — въ своей борьбѣ съ соціалистами...

[illegible] я другимъ въ Парижѣ прочелъ статью «Міровая война», [illegible]

японскую — въ интервью съ Леономъ Фаро-
разгромъ Россіи, безъ одного выиграннаго сраже-
нія, гибель флота, прологъ революціи, созваніе
Думы. Газеты почти всей Европы перепе-
чатали интервью... Въ статьѣ прочитан-
ной въ Парижѣ, я писалъ: „Германія отри-
цающая всечеловѣческую мораль, другими
словами — добро, справедливость, прогрессъ... за-
давшаяся въ XX вѣкѣ средневѣковыми пла-
нами міроваго владычества и порабощенія,
обречена на гибель — заливая міръ кровью,
она сама захлебнется въ крови. Настоящая
война: „смертью попрала смерть.“ Военныя
государства имѣя ввиду военное могущество,
сплачивающіе подъ свое тираническое иго
чуждыя народности, сходятъ со сцены.
Начинается всюду новая жизнь достойная
XX вѣка. Создаются независимыя народности
съ демократическимъ строемъ, на началахъ
міровой солидарности. Наука открытіями
ужасающихъ орудій истребленія — похоронила
войну. Повторись она и окрыленные люди,
съ высотъ небесныхъ затмѣвая небо боевы-
ми аэропланами съ всеразрушающими,
сжигающими, летучими жизнь снаря-

дами, оголятъ землю превзойдутъ семь смертныхъ чашъ Апокалипсиса съ трубными звуками ангеловъ смерти... Врядъ-ли будущее свободное человѣчество будетъ расположено подвергнуться такой участи. Вильгельмъ произнесъ: „Еслибы на сто шансовъ у меня былъ одинъ что я не кончу моихъ побѣдъ надъ всѣмъ міромъ въ три мѣсяца, я бы ее не началъ!„ Но таинственныя, невѣдомыя силы продлили ее на пять лѣтъ. Въ 70 году, Германія, движимая идеей объединенья, побѣдила монархическую Францію, но ставъ побѣдительницей, она стала тихонько готовиться быть побѣжденной — несмотря на взятые милльярды, ростъ изощренной военной организаціи, Крупповскіе заводы, ядовитые микробы стали быстро размножаться въ государственномъ организмѣ; Германія пошла по пути одичанья... Шиллеръ, Гёте, Лессингъ, Гейне, Бёрне и прочіе гуманисты были забыты. Съ каѳедръ не только университетовъ, но и церквей стали раздаваться кощунственныя, анти-человѣческія, ненавистническія рѣчи... Альтру=

истическія стремленія, смѣнились - чисто эгоистическими. Германія, въ продолженіе сорока лѣтъ, теряла масштабъ измѣренія, переставала понимать психологію окружающихъ странъ, психологію войны. Бумажныя выкладки кабинетной рутины стали заслонять живую жизнь, полную чрезвычайныхъ сюрпризовъ, неисчислимыхъ осложненій. Злая, слѣпая сила вступила въ тщетную борьбу съ идеалами міровой эволюціи. Демократическая республика побѣдила Гогенцоллерновскую монархію.

Предсказать съ точностью, опираясь на законы эволюціи, разгромы Россіи - Японіей и Германіи - союзными войсками, конечно было трудно, чѣмъ предсказать позорную, трагическую гибель Совѣтской анархіи построенной на лютыхъ поголовныхъ истязаніяхъ, убійствахъ, грабежахъ, опустошеніяхъ страны, у которой въ тылу на сто человѣкъ - девяносто замаскированныхъ враговъ съ ножемъ за пазухой. Все скопленное Россіей за сто лѣтъ сожжено, разграблено въ четыре года. Съ перваго же года Совѣтская власть стала запутываться, разлагаться ея положеніе

стало ухудшаться не по месяцамъ по днямъ. тьма, кровь и грязь - ея сущность и она потонетъ въ нихъ. Расправа будетъ такая же ужасная какъ она сама.

IV глав

Я былъ свидѣтелемъ завоеванія Москвы совѣтскою властью. Завоевать было не трудно. Она имѣла пулеметы, снаряды. Защищавшіе столицу - вооружены были больше всего благороднымъ негодованіемъ, ужасомъ за гибель Россіи. Все продѣланное въ Петроградѣ заставляло, самыхъ недальновидныхъ, догадываться что, во славу Кайзера, заправляютъ его ловкіе провокаторы.

Послѣ побѣды надъ безоружными энтузіастами, стало выступать все рѣзче, рѣзче метящее нѣмецкое правительство. Его Азевы стали во главѣ движенія и восторжествовали по всей линіи. Шекспировская трагедія начала перепутываться съ ругательствами по матерному, порнографическими рисунками отхожихъ мѣстъ.

Мучительныя испытанія приготовили

мнѣ родина. Я пережилъ бойню - братъ шелъ на брата. Шесть дней и ночей Москва - сердце Россіи - истекла кровью. Полный скорби, стыда, страха за будущее я обошелъ мѣста гдѣ съ хвастливою ложью на устахъ, холодною свирѣпостью прошли Каины. Они, денно и нощно работающіе на Вильгельма, галлюцинировали - реакціей, контръ-революціей.

Я прошелъ по свѣжимъ слѣдамъ преступленій; на многихъ улицахъ безчисленныя дыры въ зеркальныхъ стеклахъ оконъ, они не только могли стать, но стали зіяющими ранами въ тѣлахъ захваченныхъ въ расплохъ.

Разбитыя стекла загораживали путь на тротуарахъ, и эти разбитыя стекла - разбили жизнь многимъ и многимъ семействамъ, они грозили недугами, безчисленными страданьями, смертью тысячамъ людей. Стекла не могли вставить въ продолженіи многихъ дней, холодный ноябрь помогалъ, пронзительною стужей, губить невинныхъ. На Тверскомъ бульварѣ громадный домъ - дворецъ съ сотнею роскошно меблированныхъ квартиръ былъ сожженъ. А на фронтѣ,

подъ аккомпанементъ московскихъ пушекъ и пулеметовъ, или интернаціональные выцыловыванья, національное самоуничтоженіе, предательство союзниковъ, продажа Россіи за нѣмецкую водку.

Величавыя, возбуждавшія восторгъ иностранцевъ, стѣны Кремля, чудные храмы, святыня бѣднаго народа – Иверская часовня съ неугасимыми лампадами, осквернены были пулями... Въ одномъ мѣстѣ народъ съ ужасомъ останавливался передъ образомъ Спасителя, пронзеннымъ въ сердце пулею. И какъ увѣнчаніе безсмысленныхъ злодѣйствъ – декреты, написанные самодержавнымъ стилемъ, призывали къ кровавой расправѣ съ „буржуями".

Рядомъ съ выкликаваньями о свободѣ въ іюлѣ 18 года была въ конецъ, неслыханнымъ въ Исторіи образомъ, задушена вся независимая пресса. Разбойнически было заявлено что одна (безграмотная) диктатура пролетаріата имѣетъ право на печатное слово и свободную рѣчь; другими словами – враньё безъ опроверженій. Самая громадная типографія Сытина выпускавшая пере

довой журналъ „Русское Слово" въ милліонъ экземпляровъ была разграблена съ оружіемъ въ рукахъ. Жалкіе людишки забыли что нельзя убить прессы не убивъ себя - свое будущее. Убитая пресса конечно не задремлетъ, все запомнитъ и когда часъ пробьетъ - сведетъ страшные счеты, разоблачитъ уголовщину. Они не предвидѣли что газетишки диктаторовъ пролетаріевъ съ бездарными, продажными писаками, возбудятъ всеобщее презрѣніе, и что имъ никто не будетъ вѣрить.

Приказы, смѣнялись приказами, декреты, декретишками; они наклеивались съ ошеломляющею быстротою на всѣхъ стѣнахъ, грозили тюрьмой, разстрѣлами за малѣйшее непослушаніе.

Бумажонки въ одинъ присестъ уничтожали всѣ законы страны; суды подтасовывались кучками сочувствующихъ милыхъ товарищей. Всѣ полеты въ взбаламученной анархіи вызывали ядовитыя насмѣшки, оскорбительные каламбуры и поголовное презрѣніе. Сумасшедшій

домъ не могъ породить болѣе негоднаго вздора. Черезъ годъ, въ центральной губерніи, я не разъ слышалъ какъ крестьяне подгоняя истощенную клячу, часто коростовую, понукали ее словами: „Ну, ну, двигайся декретишка...“

На что считали способными большевиковъ, можно судить по слѣдующему: кухарка хозяевъ у которыхъ я жилъ, рѣдкая мегера, явилась ликующая со словами: „Вышелъ декретъ чтобы всѣ богатые вдовцы и холостяки тотчасъ же женились на своихъ кухаркахъ, иначе Петропавловская Крѣпость.“ Я любезно отвѣтилъ: „Вы забываете что есть кухарки до того обворожительныя лицемъ и характеромъ что многіе вдовцы и холостяки предпочтутъ мучительно зачахнуть въ Петропавловской Крѣпости, даже въ Алексѣевскомъ равелинѣ, чѣмъ жениться на нихъ.“ Мегера вылетѣла какъ бомба.

Слухи о другомъ декретѣ ясно показали, что Совѣтскую власть считаютъ огромною кучею феноменальныхъ идіотовъ. Декретъ будто бы гла-

-сия, что всѣ здѣсь должны быть общими, безобразные должны стать въ привилигирован_ное положеніе ввиду вознагражденія за промахъ злорадной природы, дѣвушки же должны сильно спѣшить потерять столь цѣнимую реакціонными „буржуями“ — невинность, по истеченіи извѣстнаго срока, — вопросъ будетъ рѣшонъ - взломомъ, поручено будетъ комиссарамъ.

Невѣдомая до нашихъ дней неспособность къ управленію, вырисовывалась до боли рѣзко: чтобы получить ничтожныя деньги изъ бан_ка, приходилось мыкаться по цѣлымъ недѣ_лямъ по разнымъ канцеляріямъ; платежъ для всей Москвы - изъ десятковъ банковъ, сок_ратился на одномъ. Зимой около него мер_зли тысячи людей, зачастую десятки часовъ ожидая очереди; иные чтобы захва_тить первыя мѣста, являлись въ два, три часа ночи...

Безконтрольность привела неизбѣжено къ неимовѣрно быстрому разграбленію страны. Приказъ повелѣвалъ всѣ цѣнныя бумаги рвать, такъ какъ долги иностранные и внутренніе подлежатъ уничтоженію. Обезцѣненіе рубля шло не по мѣсяцамъ, но днямъ.

Разжалованья и пожалованья принимали такой характеръ, что могли бы восхитить самаго помѣшаннаго Павла I. Пожалованье прапорщика Крыленко въ главнокомандующіе, хотя и было на руку Германіи, возбудило гомерическій хохотъ.

Всѣ выдающіеся революціонные писатели, изучившіе прошлыя революціи и соціализмъ съ его послѣдовательною борьбой, отшатнулись отъ сознательно и безсознательно работающихъ на Вильгельма. Лидеръ соціалъ-демократовъ - Плехановъ, доведенный ими неустанными преслѣдованьями до преждевременной смерти, передалъ мнѣ черезъ П. Кропоткина, что "это простое жульё!"

Неповинныя въ невѣжествѣ, до смѣшнаго податливыя на непроходимый вздоръ массы повѣрили въ первые мѣсяцы въ успѣхъ Совѣтской власти, разсылавшей приказы всѣмъ народамъ міра устраивать революціи въ большевитскомъ вкусѣ, водворять соціализмъ вполнѣ Совѣтскій. Россія прямехонько изъ подъ Распутина, еле, еле выкарабкавшаяся изъ безконечно долгой деспо=

тій, хотѣла устроить то, что не входило въ планы самыхъ передовыхъ странамъ, имѣющимъ возможность творить самыя смѣлыя, отчаянныя пробы.

Ломало насъ, мудрило надъ нами зачастую самодержавіе, и въ тысячи разъ болѣе безобразно, безплодно, гибельно пустилась безобразничать надъ нами прусско-совѣтская гогенцоллернская власть.

Мои статьи были очень и очень рѣзки противъ самодержавія, но пиши я ихъ теперь - они носили бы трогательный характеръ; каторга царскихъ временъ можетъ теперь показаться тихимъ лономъ природы, дачнымъ отдыхомъ.

Переговоры о мирѣ долженствовавшіе вестись между народами, неожиданно съѣхали на прусскаго генерала въ звѣздахъ; при словѣ "императоръ" онъ грозно повелѣлъ всѣмъ нашимъ представителямъ величайшаго освобожденія, соединителямъ всѣхъ пролетаріевъ планеты, встать. Прохвостишки вскочили и вытянули руки по швамъ. Императоръ всей Германіи, главнокомандующій всѣхъ держащихся армій

Вильгельмъ и главнокомандующій всѣхъ цѣлующихся и выпивающихъ нѣмецкую водку, русскихъ товарищескихъ армій - Крыленко, можно сказать выступили на всемірную сцену... О Боги! Комизмъ дѣйствительности часто далеко затмѣваетъ комизмъ самой знойной восточной фантазіи.

Исполинская арена, гдѣ народы, чуть не всей вселенной, протягивая другъ другу руки, должны были покорнѣйше просить большевиковъ дать имъ скрижали интернаціональнаго откровенія, если не подъ аккомпанементъ громовъ Синая, то во всякомъ случаѣ подъ гулъ нѣмецкихъ пушекъ съѣхала къ ярмарочному балагану, подмосткамъ шарлатана, дергающего заранѣе вложенные въ ротъ зубы...

Великая французская революція стала служить въ своихъ ошибкахъ образцомъ для Вильгельмовской революціи XX вѣка. Игнорировался феодальный строй, клерикальная тиранія, отчасти объясняющая ея эксцессы. Забывалась карающая историческая Немезида - въ частной жизни и жизни народовъ возстановляющая нарушенный нравствен-

ный законъ. Неумолимо вытекающая изъ поступковъ, она вѣчно учила народы, правительства, частныхъ людей быть добрыми, справедливыми. Для Франціи она, какъ возмездіе за всѣ усестокости революціи, выпустила на сцену безпощадныхъ мстителей избивавшихъ террористовъ. Самые ярые изъ нихъ, кончили гильотиной, а Маратъ - карающимъ кинжаломъ Шарлотты Кордей. Она воплотилась въ лицѣ грознаго деспота сковавшаго ее своими изумительными побѣдами и въ реставраціи Монархіи, продлившейся болѣе семи десяти лѣтъ. Вожди революціи глубоко вѣрили, что спасаютъ, обновляютъ старый міръ, и они обновили его, озонировали сгущенную рабствомъ атмосферу. Они были великіе идеалисты, честные люди, не получали постыдныхъ, преступныхъ денегъ отъ враговъ; имъ можно было довѣрять; горячіе патріоты, они создали быстро непобѣдимую армію. Подражатели внѣшняго не вникли въ психику массъ, ея способности перерожденія, преображенія. Народъ рукоплескавшій казни Людовика XVI, Маріи Антуанетты

и сотенъ аристократовъ, незамѣтно перешелъ отъ пылкаго республиканизма къ культу Императора, ~~отъ~~ культа богини Разума къ огромному усиленію Католицизма. Вспомните переправу черезъ Березину, когда взоръ Наполеона случайно падалъ на тонущаго солдата: онъ гибъ съ улыбкою блаженства.... Вспомните "двухъ гренадеровъ" Гейне. Они забыли главное, что эксцессы великой революціи смягчаются тѣмъ что они были свершены сто тридцать лѣтъ назадъ, когда царили всюду пытки.

Совѣтская власть собрала пышную жатву на кровавой нивѣ. Народная мудрость гласитъ: « Убійцы, воры - плохіе счетчики » прибавимъ, чѣмъ гаже, подлѣе, злѣе человѣкъ: тѣмъ онъ глупѣе и неразсчетливѣе, такъ какъ не предвидитъ послѣдствій своихъ поступковъ. Совѣтская власть трескучими митингами растлила армію, уничтожила дисциплину. Повинуясь нѣмецкимъ провокаторамъ, она плохо разсчитала, когда ей пришлось защищать пулеметами, штыками навязанное иго, она, несмотря на платимыя, огромныя деньги, не могла вернуть

дисциплину безъ которой армія не мыслима. Она натравливала на офицеровъ, и они истязуемые, преслѣдуемые, при первой возможности, переходили въ лагерь неумолимыхъ враговъ.

Возведя прапорщика въ главнокомандующіе и первыхъ встрѣчныхъ, безграмотныхъ солдатъ въ командиры, она потѣшала своихъ враговъ, играла имъ на руку.

Она звѣрски, нелѣпо преслѣдовала интеллигенцію и водворила, благодаря всеобщему невѣжеству, сумбурный хаосъ декретовъ отъ которыхъ несло домомъ умалишенныхъ; бумага все терпѣла, но терпя все исчезала, исчезала, а канцелярщина росла, росла.

Она гнала состоятельныхъ людей, и грабила, набивала свои бездонные карманы. Людей опытныхъ, вооруженныхъ знанiемъ дѣла, пользующихся огромнымъ кредитомъ, замѣнила не признающими собственности, слѣдовательно и кредитъ, своими теплыми ребятами. Фабрики стали закрываться; всюду стали орудовать пропойцы, спускавшіе легко добытыя деньги по кофейнямъ и притонамъ распутства.

Она ограбила землевладѣльцевъ, пустила по міру милліоны невинныхъ людей; нагло, съ издѣвками не жертвуя копѣйки изъ своего кармана, распоряжалась чужимъ добромъ, но ничего не выиграла когда,ввиду все растущихъ и растущихъ непомѣрныхъ тратъ, пришлось поголовно обирать крестьянъ, оказалось все необходимое и хлѣбъ такъ тщательно спрятанными, что ей чаще всего не удавалось ничего розыскать. Движимая низкой хитростью, она стала дутыми обѣщаньями, привилегіями навязывать коммуну съ общими амбарами, но народъ быстро догадался въ чемъ дѣло: общіе амбары было такъ легко вычистить съ ружьями въ рукахъ; афера не удалась. Привилегія безнаказаннаго грабежа - данная коммунистамъ - ожесточила народъ: Онъ твердо рѣшилъ, при перемѣнѣ строя, всѣхъ ихъ безпощадно истребить. Имъ на подмогу явился Махно, рѣзавшій нещадно комиссаровъ, коммунистовъ, и за три года партизанской войны его не удалось побѣдить арміямъ превозносимымъ Совѣтскою властью. Въ періодъ контрибу-

щей набивъ карманы миллiонами Николаев=
скихъ денегъ и Керенками, она чтобы
не сбить съ нихъ цѣну, начала безъ мѣры
выпускать свой навозъ – на немъ фигуриро=
вали молотъ, серпъ, выходило читая об=
ратно: престололомъ... Народъ оказался
умнѣе, хитрѣе совѣтской власти – по=
нялъ финансовую операцiю, не сталъ при=
нимать навозъ. Въ началѣ 21 года дошло
до того, что комиссары предлогали мил=
лiонъ за каростовую лошаденку, но народъ
пряталъ ее, не продавалъ.

Совѣтская власть, въ виду своихъ интере=
совъ, желая расположить народъ разрѣши=
ла грабить чужую землю, разбирать пос=
тройки помѣщиковъ, но народъ замѣтивъ
что львиную долю чужого имущества
она забирала себѣ, сталъ скоро видѣть
въ ней простыхъ разбойниковъ, воровъ, понялъ
что ея программа съ покон вѣка практи=
ковалась ~~пр... Маркса~~ по лѣсамъ съ
ножемъ въ рукахъ. Опытъ грабежей на Ук=
раинѣ скоро убѣдилъ, даже темный людъ,
что самовольно захваченная чужая собствен=
ность, при водворенiи настоящаго прави=

тельства будетъ возстановлена, что Совѣтская власть гніетъ и съ головы и съ сердца не имѣетъ завтрашняго дня, что ее ждетъ неминуемая, ужасающая расправа. Сознавъ, онъ возненавидѣлъ ее, сталъ трепетно ждать скораго освобожденія.

Многимъ начала приходить зловѣщая мысль, часто повторяемая мнѣ, что не будь сотни и сотни тысячъ землевладѣльцевъ увѣрены что бредъ бѣлой горячки долго длиться не можетъ, они пущенные сразу, ни за что, со своими семьями по міру, двинувшиеся отчаяніемъ давно бы страшно отомстили крестьянамъ: составивъ безчисленныя шайки спалили бы всю крестьянскую Россію съ ее хатами съ соломенными крышами. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ деревнѣ, народъ всюду твердилъ что если Совѣтская власть еще продлится, свершится величайшая въ мірѣ катастрофа, хуже самаго голода несущаго муки и смерть десяткамъ милліоновъ людей.

Когда одинъ брехунъ сталъ спрашивать собравшійся народъ: « Скажите гдѣ это было чтобы давали по городамъ даромъ квартиры

и году?„ Одинъ изъ слушателей отвѣтилъ: „На Сахалинѣ, на каторгѣ, но только разница что хлѣба тамъ давали больше и хорошаго.„..

Но въ 21 году все это кончилось, конна ты, пища дошли до цѣнъ невѣроятныхъ, превосходящихъ самое знойное воображеніе. Заказное письмо пришедшее ко мнѣ изъ Россіи въ Парижъ обошлось въ пятдесятъ тысячъ рублей, а 25ᵉ [illegible] ..

Надѣленье семью саженями земли, вмѣсто двадцати пяти десятинъ на душу, неслыханное обложеніе земли, нескончаемые поборы хлѣбомъ, скотомъ, обыски съ оружіемъ въ рукахъ въ глухую ночь, отбираніе холстовъ, матерій, цѣнныхъ вещей, голодъ, холодъ, нагота, цѣны повысившіеся съ рубля - до ~~десятковъ~~ сотень тысячъ [illegible] нестоющихъ гроша денегъ, не прекращающіеся, косящія голодный людъ эпидеміи, мобилизаціи стали доводить народъ до бѣлаго каленія, онъ началъ бредить радикальнымъ переворотомъ: по деревнямъ имя будущаго царя Михаила стало выступать на первый планъ. Изъ библіи и Евангелія отыскивались пророчества.

Забывъ не только свою честь, ее никогда не было – она считалась „буржуйскимъ", предразсудкомъ, чувствомъ контръ-революціоннымъ ведущимъ прямехенько въ застѣнокъ Вечека, но и честь родины. Совѣтская власть предала союзниковъ, въ слѣпотѣ думая, что Германія очистивъ нашъ фронтъ выйдетъ побѣдительницей и щедро вознаградитъ ее; будетъ помогать снарядами, солдатами противъ ея внутреннихъ враговъ, но безпощадная историческая Немезида сурово покарала предателей. Союзники поставивъ цѣли вполнѣ достойныя XX вѣка, раздавили замышлявшую поработить міръ Германію и стали помогать безчисленнымъ врагамъ Совѣтской власти.

Сами нѣмцы гораздо раньше измѣнили, позорно выгнали большевиковъ изъ Украйны, безпощадно разстрѣливая неуспѣвшихъ бѣжать, и конечно задумывали по миновании надобности въ большевикахъ сдѣлать тоже самое съ остальной Россіей. Германія долго обходиться безъ Россіи конечно не могла, ее ожидало полное разореніе.

V глав.

Совѣтская власть рѣшила, ввиду обязательнаго атеизма для ея арміи, убитыхъ при осадѣ Москвы похоронить безъ обрядовъ. Ихъ зарыли около стѣнъ Кремля. Московскіе обыватели созерцая несложную процедуру всюду говорили: «Похоронили какъ собакъ... собакамъ собачья смерть!» забывалось что многіе изъ этихъ несчастныхъ вышедшихъ изъ крестьянской среды вѣрили въ жупель, преспектива "собачихъ" похоронъ раскрывала передъ ихъ духовными очами картины вѣчныхъ адскихъ мученій...

Похороны защищавшихъ сердце Россіи, носили грандіозный характеръ. Ихъ гробы увитые зеленью, провожала вся Москва. Она одна могла устроить такія величавыя глубоко трогательныя похороны. Когда всѣ гробы были выстроены, грянулъ первый ударъ исполинскаго колокола въ двѣнадцать тысячъ пудовъ, отъ этого перваго удара задрожала вокругъ земля, за нимъ стали звонить колокола безчисленныхъ московскихъ церквей, по-временамъ прерываемые

гармоническимъ перезвономъ серебрянныхъ колокольчиковъ... Подъ торжественный гулъ колоколовъ, двинулась огромная процессія. Впереди шелъ митрополитъ, за нимъ архіереи въ митрахъ усыпаныхъ драгоцѣнными камнями, сотни священниковъ, діаконовъ въ сверкающихъ на солнцѣ золотыхъ ризахъ; развѣвались шитыя золотомъ знамена, хоругвы, а за ними слѣдовали десятки чудныхъ церковныхъ хоровъ, пѣнью ангеловъ вторили серебрянные колокольчики. Огромныя толпы заполонили улицы; женщины, дѣвушки со слезами падали на колѣни... Они провожали своихъ безвременно погибшихъ отцовъ, братьевъ, героевъ спасавшихъ Россію отъ гибели.

Товарищи большевики, благоразумно удалились, такъ какъ провокація съ ихъ стороны могла кончиться до ужаса трагично: Красныхъ опричниковъ разорвали бы на части.

Разскажу два характерныхъ эпизода: свидѣтелемъ перваго была большая опера переполненная публикой... Въ царскую ложу вошли нѣсколько стоящихъ у кормила; физіо-

номіи были грубыя, наглыя, потерявшія давно способность конфузиться даже при полученіи публичныхъ оплеухъ; они нахально стали озирать публику. Весь театръ приподнялся, раздались крики: „Вонъ истязатели!" вонъ убійцы, воры! зазнавшіеся хамы! Вчера пускали въ штаны при встрѣчѣ съ жандармомъ; къ дворцовому лакею не смѣли безъ реверансовъ подходить, а теперь разыгрываютъ самодержцевъ!„ Двѣ стоптанныя, рванныя калоши полетѣли въ ложу.

Другой разыгрался въ одномъ изъ популярныхъ театровъ. Желая возбудить всеобщій смѣхъ и презрѣніе, большевики выпустили на сцену стараго полицейскаго въ безукоризненной формѣ... Но увы, времена перемѣнились: весь театръ сталъ аплодировать. Это было въ восемнадцатомъ году, когда еще не разстрѣливали тысячъ невинныхъ и въ застѣнкахъ Вечека не сдирали кожу вмѣсто лампасовъ съ ногъ офицеровъ, не зарывали живыхъ въ землю, не распинали, пока ограничивались только

кончилось

подлыми издевками, травлями: рванье въ публичныхъ мѣстахъ, ~~[illegible]~~, съ плечъ офицеровъ-погоновъ; рванье

раздѣлѣ; в художественномъ театрѣ шла драма въ одномъ мѣстѣ которой издѣваются надъ офицеромъ, въ ложѣ раздался выстрѣлъ: себя убилъ офицеръ - истерзанная душа не выдержала напоминанія, заныли старые раны.

Рванье погоновъ не всегда сходило безнаказанно. Въ трамвай вошелъ офицеръ съ погонами. Сидѣвшій противъ вскочилъ съ крикомъ: „Долой погоны!“ вытащивъ перочинный ножикъ, онъ срѣзалъ ихъ. Офицеръ, сильно поблѣднѣвшій, приподнялся, взялъ за ухо срѣзывателя, вынулъ револьверъ, приставилъ къ его лбу со словами: „Вытаскивай тотчасъ бумажникъ, иначе я приколочу тебя на мѣстѣ.“ Негодяй, трясясь вытащилъ. Офицеръ вынулъ изъ него толстую пачку николаевскихъ сторублевокъ и отчеканивая произнесъ: „Подлая дрянь, ты съ кучей мерзавцевъ во главѣ - большинство которыхъ изъ трусости сбѣжало отъ воинской повинности, осмѣливаешься прикасаться къ погонамъ заслуженнымъ честнымъ поведеніемъ, годами трудовъ, знаньемъ. Ты не признаешь николаевскихъ погоновъ, но за то сильно признаешь николаевскія сторублевки.“ Онъ изорвалъ ихъ въ клочья. Обернулъ срѣзывателя спиною и далъ ему настолько сильный ударъ ногою въ задъ, что тотъ, безъ памяти отъ страха, вылетѣлъ изъ трамвая на полномъ ходу. Вся публика съ энтузіазмомъ зааплодировала. Всѣ горячо жали офицеру руку приговаривая: „Всю эту сволочь нужно еще не такъ учить.“

Когда я пишу, мою (стынетъ) душу охватываетъ смертельный ужасъ. Что будетъ когда наступятъ дни расправы. Неумолимъ и страшенъ законъ возмездія, но онъ учитъ, воспитываетъ человѣчество.

VI

Я присутствовалъ въ Москвѣ нѣсколько разъ при шествіяхъ съ красными знаменами, обыкновенно десятки людей, нелакомично несли ихъ, нѣкоторыя знамена отличались крайне провокаторскими, уголовнаго характера надписями, съ призывами избивать „буржуевъ“, но призывы оставались безъ малѣйшихъ послѣдствій

Огромное число буржуевъ спокойно шествовало по тротуарамъ, не образуя ни малѣйшаго вниманія, не удостаивая взглядомъ проходившихъ.

Жидовская толпа, по общему мнѣнію оплачиваемая бумажками, безъ тѣни одушевленія сопровождала ихъ.. Во все время буквально ни одного сочувствующаго возгласа. Изрѣдка раздавались голоса: «Проклятые христопродавцы, лучше бы поменьше грабили, перекладывали изъ чужого кармана въ свой и давали бы хлѣбъ не изъ навоза и не по осьмушкѣ фунта.»

Видѣлъ я въ дни, когда столица голодала и платила сотни рублей за то что прежде стоило нѣсколько копѣекъ, пышно подготовленное торжество 1го Мая.. Играмая комедію, корыстная власть видимо расчитывала на сочувствіе. Я обошелъ всѣ главные улицы и болѣе плачевнаго зрѣлища не помню. Повсюду абсолютное равнодушіе, то было не торжество но панихида по Совѣтской власти. Съ вызывающимъ видомъ разъѣзжали красно-

армейцы съ пулеметами, видимо ожидая неожиданнаго нападенія. Они не только съ физіономіями великопостными, но и пьяными, кружились какъ въ театрѣ, стараясь показать что ихъ много. Огромныя шелковыя матеріи, выкраденныя изъ магазиновъ, съ живодерскими приглашеньями, возбуждали всеобщее омерзѣніе. Интернаціоналъ отцвѣталъ не успѣвши расцвѣсть. Не только пролетаріи всѣхъ странъ, но и своей несчастной, опустошенной страны не соединялись, но, кипя злобою, разъѣдинялись.

VII глава.

Скоро роковая, для совѣтскихъ захватчиковъ, статистика укажетъ сколько лучшихъ учителей, профессоровъ пройдя черезъ пытки Вечека были разстрѣляны; укажетъ какое поражающее количество, рискуя жизнію, спаслось бѣжавъ за границу.

Коса смерти прошла по всѣмъ высшимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ... По общему мнѣнію, прежняя серьезная, обучавшая школа быстро умираетъ. Вѣчно дрожа за

жизнь оставшіеся, сравнительно немногіе учителя, должны проводить въ школахъ невѣжественный сумбуръ коммунистовъ; извращать науку – въ особенности исторію Россіи – доказывать, несмотря на дѣйствительность, при видѣ которой сами камни разобранныхъ помѣщичьихъ усадьбъ вопіютъ, что вся исторія Россіи, могучій ростъ страны должны подлежать забвенію, что настоящая, вся состоящая изъ безумныхъ, омерзительныхъ исторій – исторія начинается съ водворенiемъ домовъ Ильича Ленина, Лейбы Троцкаго предавшихъ, продавшихъ Россію – Вильгельму, тупыхъ долбяшекъ способныхъ только красть, разрушать.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ столицахъ, большихъ городахъ учебныя заведенія превратились въ притоны распутства, бездѣлья, анархическаго хаоса; десяти, двѣнадцати лѣтнія дѣвочки чуть не поголовно заражены сифилисомъ.

Въ центральныхъ губерніяхъ, въ деревняхъ крестьяне въ одинъ голосъ твердили мнѣ: „дѣти уже давно совсѣмъ не учатся, своевольничаютъ, не учителя командуютъ, учатъ

учениковъ, но ученики командуютъ, учатъ учителей; дѣти зимой не ходятъ въ притоны безтолковщины – они не отапливаются. Дѣтишки зимою бѣгаютъ босикомъ, въ лохмотьяхъ, холодъ, голодъ, нагота, эпидеміи метутъ цѣлыя населенія. Хоронятъ часто не въ гробахъ, а на гнилыхъ доскахъ. Порядочные учителя убѣгаютъ, ищутъ другаго дѣла – ихъ заморяваютъ голодомъ, платятъ усалованіе разъ въ шесть мѣсяцевъ – деньгами на которыя хлѣба съ навозомъ не купишь.

« Мы упорно, но тщетно просимъ чтобы законъ божій сталъ въ школахъ на первое мѣсто и дѣти прежде всего затвердили бы десять божіихъ, совсѣмъ забытыхъ, заповѣдей, въ особенности двѣ самыя нужныя въ наши дни: « Не убей » « не укради ». Познакомились бы съ Евангеліемъ, нагорною проповѣдью, съ Христомъ пріявшимъ крестную муку во спасеніе людей. – Они вышвыриваютъ иконы изъ школъ; часто срываютъ крестъ съ нашей груди – жидамъ распявшимъ Бога любви, самопожертвованья, справедливости, ненавистенъ крестъ; но они забываютъ, что многіе изъ насъ Христа носятъ въ груди, въ душѣ. И тутъ же рядомъ Махно мститъ,

за поруганіе святынь — разстрѣливается въ погу-
бе всѣхъ у кого нѣтъ креста на шеѣ. Евреи чтобы избѣ-
гнуть казни, стали по необходимости надѣвать —
нѣсколько крестовъ. Но Махно трудно провести:
увидѣвъ излишекъ крестовъ онъ со смѣхомъ говоритъ:
„Становись въ первый рядъ, христопродавецъ, пересолилъ."

Всѣ святотатства, насилія, казни всегда —
привели къ огромному росту религіозности;
церкви всюду переполняются, переполняется все
болѣе и болѣе чаша народнаго терпѣнія...

Въ послѣднее время народъ проникается
мыслію, что наступило царство антихриста,
что не нынче, завтра раздадутся страшные
трубные звуки ангеловъ смерти, всколыхнется земля,
выльются семь смертныхъ чашъ ярости Божіей...
Спасутся только не увѣровавшіе въ антихриста,
не соблазнившіеся на гибельные дары, хотя бы и видѣли тайко[illegible] великой милости... Благодаря удушенію всей независимой
прессы наверху ничего не знаютъ что именно гото-
витъ затерзанная страна, не знаютъ даже
настроенія Красной арміи, всѣ проклятія
которыя посылаетъ она втихомолку... Люди всѣ

партій, не только офицеры, но и сами солдаты красной арміи, вычисляя какія казни и пытки нужно изобрести для Ильича Дзержинскій, Цильинъ, Лейба Бронштейнъ и [illegible] фанаты по- падутся имъ въ руки, впадали въ такое изуми- тельное ожесточеніе, въ такую утонченную изобрѣтательность, что можно было подумать что они всѣ знакомы съ „Адомъ" Данте.. Тутъ же обыкновенно раскрывалось что проныра Лейба какъ отпѣтый трусишка, сбѣжавшій отъ воинской повинности, подобралъ за огромную плату не- бумажонками по червонцамъ — шесть еврейчиковъ, не только съ крючковатыми, погаными носами как у него, но изумительно похожими всею физіономіей, психикой на него, и въ царскомъ поѣздѣ, окруженный несколькими охранами, изображаетъ[ихъ] собою.. Убьютъ одного двойника, другого Лейбу и вдругъ окажется что до настоящаго не добрались.

Книгу „Ямщикъ" вышедшую въ 1937 г. а горячо рекомендую, всѣмъ крупнымъ борцамъ, серьезно относящимся къ своему дѣлу.. Она должна стать настоль- ною книгой, учебникомъ... Прочтите ее [illegible]. они поймутъ что они народъ отсталый, крайне невѣжественный [illegible] въ [illegible] словѣ настоящаго [illegible] [illegible] [illegible]. Это [illegible]

немного, но все таки умнѣе, находчивѣе, про= ворнѣе практичнѣе ихъ, прежде чѣмъ начать, на устроилъ [illegible]ую лазейку...

Въ книжкѣ на стр. 60 - заявляется что, Ильичъ по общему мнѣнію, настолько незастѣн= чивъ по части добыванья денегъ, что готовъ чуть не съ шаловливостью, вытащить портмоне изъ кармана даже товарища, разъ это полезно Ленинскому очень мистическому дѣлу, вѣрнѣе его желудку...

Дѣло заключается въ томъ что для каждаго серьезнаго, крупнаго вора необходимо хорошенько вызубрить нѣкоторые пассажи изъ «Маркса»; катехизиса Нечаева, капельку подтасовать ихъ, согласить съ собственными карманными вожделѣніями, а затѣмъ не теряя по пустому драгоцѣннаго времени пускать въ ходъ все вызубренное на революціонныхъ собраніяхъ, словомъ кипѣть - коммунизмомъ.

Разъ все это будетъ выполнено, и субъектъ, что очень нетрудно, объявится извѣстнымъ какъ фанатикъ универсальнаго ограбленія жизни коммунизма онъ можетъ смѣло начать грабить частенько со взломомъ и перерѣзываньемъ всей семьи: [illegible] богатые квартиры, магазины, банки.

Призывъ долженъ быть лакониченъ: «Грабь буржуевъ,

всѣхъ богатыхъ, грабь награбленное!“. На замѣчанье что буржуи палками не загоняютъ въ свои магазины покупателей, входящихъ за покупками не вытаскиваютъ с револьверомъ въ рукахъ денегъ изъ кармановъ, не раздѣваютъ даже в зимнюю стужу до нага, подчас не разстрѣливаютъ плѣнившихся новыми сапогами, онъ долженъ съ грозною усмѣшкой отвѣтить: „Такъ могутъ разсуждать только контръ-революціонеры-буржуи, внѣшне достойные разстрѣла безъ всякихъ формальностей. Мы соль земли, наше правленіе должно быть снисходительнымъ для всѣхъ имущихъ. Гдѣ мы растворяемъ настежъ врата Эдема, земная логика для насъ необязательна, все твое — мое, и все мое, мое. Мы стоимъ внѣ государства, внѣ пространства.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ Лейба Троцкій онъ же и Бронштейнъ (непостижимо почему всѣ эти души стремятся во что бы то ни стало мѣнять фамиліи?!) распахнувшій двери рая, въ качествѣ привратника ссудилъ въ [illegible] десятки милліоновъ рублей золотомъ. Послѣ разграбленья: Лавръ, монастырей, церквей, а въ скоромъ времени продажи музеевъ, картинныхъ галлерей, капиталъ и десятковъ тысячъ [illegible] и Лейбы — удесятерится....

Въ той же книгѣ есть пассажъ восхитительно нравоучительный: „Ленинъ съ первыхъ же дней окружилъ себя уголовными, убійцами, ворами, шпіонами, агентами про=

вокаторами и чувствуетъ себя въ честной компаніи замѣчательно хорошо.

«Совѣтская власть пулеметами, штыками создала у насъ плутократовъ – новенькихъ, ловкенькихъ, о которыхъ не снилось не только въ Европѣ, но и Россіи въ доброе старое время, и награбленное они съумѣютъ отстоять.»

«Ленинъ орудуетъ для тріумфа частной собственности, это въ своемъ родѣ шутка русской Исторіи. Министръ Протопоповъ, реакціонеръ, черносотенецъ, приготовилъ революцію; Ленинъ, начавъ съ такъ называемой большевитской революціи, ведетъ Россію къ самой безпощадной реакціи. Въ ~~...~~ Люксенбургскомъ музеѣ есть статуя Тургана: слѣпой ведетъ паралитика, это какъ бы фигуральное изображеніе слѣпой совѣтской власти ведущей Россію разслабленную ~~Россію~~, голодомъ, холодомъ, нагишомъ, эпидеміями, въ черную бездну.»

Внесу маленькую поправку – слѣпую Россію ведетъ Ленинъ въ прогрессивномъ параличѣ.

Я собственными ушами убѣдился что въ Россіи глупость можетъ дойти до размѣровъ умопомрачающихъ. Я слышалъ, ощупывая себѣ руки, какъ люди забывшіе Тушинскаго вора ~~ратбова~~ и современнаго намъ Гришку Распутина, считаютъ Ильича-Ленина - долбяшку переврававшаго Маркса, не умѣвшаго предвидѣть завтрашняго дня, чуть не умнымъ человѣкомъ. Къ нему анекдотическій нѣмецъ могъ бы смѣло обратиться со словами: «Что я думаю, еслибы вы, Ильичъ, да еще были бы умный человѣкъ!»

Русскій дуракъ не чета европейскому, его колпакъ-съ бубенчиками можетъ увеселять само небо. Европейцу мѣшаетъ быть настоящимъ дуракомъ окружающая жизнь, тогда какъ русскому у насъ есть гдѣ разгуляться. Мы можемъ смѣло перефразировать слова Гоголя о Россіи: «Какъ же въ тебѣ не развернуться безпредѣльному дураку, когда ты сама безъ конца!»

Разграбить, опустошить, чуть совсѣмъ не сгубить страну, съ помощью извѣстныхъ клише, опираясь на уголовныхъ, теп-

лыхъ ребятъ съ помощью захваченныхъ никѣмъ не-защищаемыхъ пулеметовъ и ружей, коихъ у нихъ не-доставало.

Человѣкъ не нравственный и бойкій – своей души не продастъ, зная что деньги будутъ только [illegible] шкуры, тоесть: украдены, пьянство, распутство – ведущее неизбѣжно къ тяжкимъ болѣзнямъ и стра-даніямъ.. Не нужно забывать, что на самой катор-гѣ врядъ-ли встрѣчаются люди съ полнымъ отсут-ствіемъ совѣсти.. Горе передъ ними предстать [illegible] онъ какъ: „хоть истинный звѣрь, заимодавецъ грубый, докучный собесѣдникъ.“

Очень талантливый поэтъ, необыкновенно остроумный тонкій наблюдатель Л. Г. Мунд-штейнъ не разъ говорилъ мнѣ: – Въ Бундѣ и [illegible] [illegible]. Тамъ антипатичная публика, страшно [illegible] [illegible] – [illegible] [illegible] [illegible].. Его крайняя ограниченность, узколобіе, свѣтится въ его задолбленной банальщинѣ... Онъ кружится въ бли-[illegible] [illegible] или крайне извращеннаго Марксизма, приноровленнаго къ грабежамъ и прочимъ мерзостямъ;

Но вглядывшись въ аудиторію, вѣрнѣе въ [illegible] [illegible] [illegible] что по [illegible] и [illegible]

Ему апплодирують такіе ловко подобранные молодчики, — что рвать плененія, все съ бору да съ сосенки.. "

П. А. Кропоткинъ, которому они устроили торжественные похороны, называлъ ихъ честь весьма ухабистую и поразительно грязную публику, желая показать, что они составляютъ исключеніе изъ всѣхъ революціонныхъ дѣятелей и писателей, не питалъ къ нимъ крайняго презрѣнія и нѣдолимаго отвращенія, не разъ говорилъ мнѣ съ горькою усмѣшкою: „Какой страшный непоправимый ударъ нанесли революціи эти Хлестаковы, вооруженные арестантскими ротами, ожидали ли мы что нибудь подобное..."

Самъ Горькій въ минуты душевнаго, рѣдкаго просвѣтленія пишетъ: „какъ-то нельзя понять, какъ это этихъ горя, послѣ всѣхъ ихъ пробъ ихъ всѣхъ не повышвырнули?" Онъ поцеремонился прибавить: „всѣхъ не поперевѣшали?"

У Андреева, скрывавшагося въ Финляндіи незадолго передъ смертью, вырвался вопль отчаянія въ статьѣ „Спасите!", переведенной на всѣ языки.

Иностранныя газеты, откликаясь на вопль отчаянія, писали что цивилизованныя ... „Гога-

что сифилис пала на [illegible].. Советские цифры сами свидетельствуют, что [illegible] растет по часам полный паразитических — созданий; и быть по Марксу продолжается..

Конечно более [illegible] уделить эти [illegible] [illegible] [illegible] ...

Нельзя уже ныне в открытую сказать, что предательство, [illegible], кровавое управление [illegible] Швеция, давно уже покончившая с сифилисом, что знала большевизм [illegible] [illegible]..

Наблюдая вы что [illegible] за [illegible] [illegible] можно [illegible] предположение что [illegible] Советский [illegible] все [illegible] [illegible]..

В деревнях я [illegible] фельдшеров, акушерок; слышал что около пятидесяти процентов населения страдает врожденным или приобретенным сифилисом [illegible] [illegible] [illegible]..

В городах по утверждению медиков [illegible] зараженных — так огромно что я боюсь повторить и не забывайте что последние четыре года лекарства вполне отсутствуют ...

Только на почвѣ повальнаго невѣжества, сифи-лисо-алкоголизма, могла просуществовать эта [illegible] лѣтъ-диктатура пролетарско-[illegible] [illegible].

Сильно удивляться что при диктатурѣ кровопійцевъ воръ на воръ [illegible], [illegible] пол-[illegible]. Стали прикрываясь [illegible] [illegible] Карла Маркса и винтовками разграбили банки, дворцы, частные богатые дома, квартиры... Зашли когда все награбленное [illegible] было припрятано в банки, они безстыдно, низко, ссылаясь на голодъ, стали в свою личную пользу обворовывать церкви, монастыри, Лавры — сокровища, накопленные столѣтіями [illegible] таинственныхъ [illegible] [illegible] и [illegible]...

Народъ полный ужаса, гнѣва, все по обыкно-венію сваливать на евреевъ... Когда [illegible] по [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] во [illegible] хотя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] справедливость [illegible] крестьянамъ, что на [illegible] [illegible] [illegible] и русскихъ вредъ [illegible] [illegible] десятокъ евреевъ [illegible] [illegible].

Почему [illegible] [illegible] [illegible] синагога и православные храмы [illegible]

Комиссарамъ, чекистамъ —

коммуниста, на случай удиранья съ фальшивыми паспортами. Деньги нужны.. Заломавшійся жидишка Троцкій и вся его жидовская компанія, хотятъ захапать церковныя сокровища... Не даромъ Христа за то что денегъ не учили-распяли.. Деньги нужны на озвѣрѣвшихъ три- [illegible] наемниковъ, чтобы всю Россію не признающую палачей, грабителей воровъ узурпатора.. Содержаніе ихъ [illegible] стоитъ дорого.

Какъ рекламирующая кровавая исторія [illegible] Исторіи Лейба-Троцкій-Бронштейнъ [illegible] вонъ, шпіонъ Охраны съ 50 руб. жалованія в мѣсяцъ, австрійскій шпіонъ, нѣмецкій агентъ, провокаторъ, прибывшій в Россію въ запломбированномъ вагонѣ, [illegible] наворовавшій по [illegible] за четыре года десятки миллионовъ золотомъ.. расхорохорился русскими арміями, кормитъ ихъ тухлыми селедками, кониной съ саломъ, хлѣбомъ съ навозомъ, и замаривая задобленной, вѣчно повторяемой брехней, раздѣтыхъ в зиму [illegible], [illegible] съ капиталистами [illegible] Россіи.. Трусишка Лейба конечно хорохорится в тылу арміи..

Еврейская нація страшна и вполнѣ отвѣтственна [illegible] — въ мір Троцкаго [illegible] Россіи потому

звонкую на весь міръ и заплевало ей всю физіономію.

До какого омерзительнаго паденія, вырожденія, дна позора дошла несчастнѣйшая изъ несчастныхъ, [illegible] изъ богатѣйшихъ странъ...

Но отвратительнѣе всего, что по временамъ раздаются съ одной стороны предсмертныя хрипѣнія: „Мы голые въ зиму ходимъ, замерзаемъ въ нетопленныхъ [illegible] квартирахъ.. Гибнемъ отъ голода, [illegible] божьяго страха за [illegible]. Вши насъ [illegible].. Скоро начнемъ какъ на Волгѣ — трупы солить, варить, сырьемъ ѣсть!..", а съ другой: „Мы необычайно быстро, возрождаемъ преображенную Россію.. [illegible] она все [illegible] тогда какъ мы благодаря Вечека, все [illegible].. [illegible] у запада — [illegible] больше, если мы будемъ у [illegible] и [illegible] брать деньги въ займы — золотомъ, конечно безъ отдачи — они буржуи!... Мы [illegible] всю Россію и скоро [illegible] весь міръ; всѣхъ научимъ, возродимъ, поднимемъ до себя.. [illegible] [illegible], наши [illegible] [illegible] [illegible]!!"

[illegible] [illegible] декларацію

невольно идутъ подписей: „Мартобря 5922 гд." „Между днемъ и ночью." „День былъ безъ числа, месяца не было [illegible] „Января того же года, случившійся после февраля." „У Лейбы Шрумкина, Бронштейнъ на носу выросла денежная касса."

Затемъ за Казбеками и Эльбрусами – большевитскаго воображенья, следуетъ маленькое заявленье. [illegible]: „В Петрограде для литераторовъ [illegible] кризисъ, вследъ отсутствія средствъ.. Необходимость поддержки существованья, заставила правленье сдать в аренду часть помещенья, подъ устройство в немъ аукціона."

Картинка! Это [illegible] не устойчивой стоимости. [illegible], многострадальной [illegible] до смерти истощенной кучки литераторовъ!!!.....

Глава VIII

Разсказъ о двухъ явленьяхъ окрещенныхъ народомъ чудесами. Мрачно настроенный, изголодавшійся, постоянно экситируемый безобразными, непрошенными пробами, вы-битый изъ вѣковѣчной колеи жизни, не видя конца бѣдствіямъ, надругательствамъ надъ всѣмъ, что было ему дорого и свято, онъ ждалъ знаменій на небѣ и на землѣ.

На закатѣ солнца, моя глубоко симпатичная, большая умница хозяйка – госпожа Шпольнская позвала меня со словами: «Взгляните на необычайное явленіе на небѣ, въ наши дни по истинѣ – мистическое. Я давно въ Москвѣ и не помню ничего подобнаго.» Я остановился пораженный... Въ лучахъ заката пылалъ рѣзко очерченный, исполинскій Крестъ. Солнце заходило, небо блѣднѣло, а Крестъ разгорался все ярче, ярче, принималъ зловѣщій, кровавый оттѣнокъ. Я вышелъ на улицу, вокругъ стали раздаваться крики, плачъ; женщины падали на колѣни, молились, впадали въ истерію. Многіе дико кричали: «Россія – матушка предстаетъ

крестный путь, ея тяжкія страданья еще не кончились. Затерзают, доканают насъ проклятые коммунисты!»

Второе знаменіе произошло въ Кремлѣ. Замыселъ захватчиковъ – съ оружіемъ въ рукахъ обобрать золотыя и серебрянныя ризы съ иконъ всѣхъ церквей, держали Москву въ настроеніи близкомъ къ востанью. Священники, рискуя жизнью, съ амвона всѣхъ церквей произносили рѣчи, настолько сердечныя, захватывающія душу, что народъ рыдалъ. Знакомый мнѣ профессоръ, знаменитый химикъ Ш... – свободный мыслитель, передавалъ мнѣ, что зайдя въ одну церковь во время рѣчи, онъ самъ расплакался...

На воротахъ Кремля, въ день 1-го Мая, большевики-коммунисты на образъ чтимый Николая угодника набросили ... красную тряпку, разгнѣванный народъ не могъ достать ее, – она мотала́сь очень высоко. Что не могъ сдѣлать народъ – сдѣлалъ разбушевавшійся вѣтеръ. Ш вскорѣ профанирующая икону красная тряпица, разорвалась въ клочья и

во всей красѣ появился ликъ угодника. Вѣсть о чудѣ мгновенно разнеслась по Москвѣ... Патріархъ назначилъ въ честь чуда торжественную процессію. Она производила потрясающее впечатлѣніе. Сотни развѣвающихся, шитыхъ золотомъ хоругвей, архіереи, священники съ патріархомъ во главѣ, горящія на солнцѣ митры, золотыя ризы, образа сіяющіе золотомъ и драгоцѣнными камнями, дымящіяся кадилы, хоры пѣвчихъ, звонъ колоколовъ всѣхъ церквей, перезвонъ серебряныхъ колокольчиковъ и весь звонъ прерываемый изрѣдка ударами исполинскаго колокола въ двѣнадцать тысячъ пудовъ, отъ котораго гудѣла земля, подымали душу сотни тысячъ молящихся. Невольный трепетъ охватывалъ мою душу, навертывались слезы при видѣ громадныхъ массъ охваченныхъ религіознымъ экстазомъ. Молитвы, рыданья раздавались всюду. Какъ эстетъ, я глубоко чувствовалъ мощь великаго душевнаго подъема... Колокола всё звонили, звонили, точно били въ набатъ, точно вся Москва горѣла. Она горѣла

душевнымъ угаромъ, чреватымъ роковыми послѣдствіями. Слѣпые, остервенѣвшіе насильники не догадывались, что въ этомъ душевномъ угарѣ исторія куетъ грозный мечъ правосудія.

Народъ на кощунства надъ его горячими вѣрованіями, реагируетъ необычайнымъ ростомъ вѣры. Въ Воронежѣ, дикіе насильники заперевъ двери Митрофаньевскаго монастыря, раскрыли раку святителя, затѣмъ публично, одинъ изъ нихъ сталъ издѣваться надъ мощами. Народъ въ гнѣвѣ бросился и разорвалъ издѣвщика. Затѣмъ начали создаваться мистическія повѣствованія. Сторожа, поставленная въ Митрофаньевскомъ монастырѣ, въ полночь услышала въ алтарѣ неземное пѣніе; вся церковь освѣтилась голубымъ, небеснымъ свѣтомъ. Вскорѣ двери алтаря распахнулись, вышелъ священникъ озаренный божественнымъ сіяніемъ, въ сверкающей золотомъ и драго-

цѣнными камнями ризъ, съ крестомъ испускавшимъ лучи. Стража, полная ужаса, стала разбѣгаться, самые смѣлые выстрѣлили, но священникъ оставался неподвижнымъ, глаза свѣтились дивнымъ огнемъ, пули ложились у ногъ.... Стрѣлявшіе пали ницъ, и затѣмъ обливаясь слезами, стали замаливать страшный грѣхъ.

Совѣтскихъ воровъ конечно не такъ интересовали сами святые, какъ ихъ очень тяжелыя раки изъ серебра. Въ Бѣлгородѣ они, возбудивъ возстаніе, украли раку изъ серебра въ восемнадцать пудовъ.

Всѣ эти полныя издѣвокъ грабежи, прикрываемые уничтоженіемъ предразсудковъ, кончились всюду огромнымъ усиленіемъ религіозности. По увѣренію народа, святотатцы подмѣнили мощи, но онѣ чудесно вернулись и народъ сталъ еще горячѣе молиться у вернувшихся мощей. Чудеса возобновились съ усотеренною силою.

Глава IX

Съ сестрою покойной жены, вдовой профессора Московскаго Университета, знаменитаго психіатора, Надеждою Егоровной Кожевниковой, я въ началѣ іюня 18 года покинулъ Москву. Дрянному извозчику на клячѣ заплатили 25 руб. черезъ два года, такая кляча до вокзала стоила сорокъ пять тысячъ — Совѣтская власть прогрессировала. Вокзалъ представлялъ фрапирующій свиной хлѣвъ, на загавоженномъ полу валялись тысячи людей въ лохмотьяхъ и съ меланхоліей казнили вшей. Послѣ долгой очереди, вслѣдствіи того что нуждаясь въ деньгахъ, захватчики повелѣвали выдавать въ десятки разъ болѣе билетовъ чѣмъ было мѣстъ. Мы наконецъ получили билеты до Курска, заплативъ II класс 200 рублей — Въ августѣ 21 года билетъ отъ Москвы до Курска стоилъ около двухъ сотъ тысячъ.... Мы съ нашими маленькими чемоданчиками (болѣе крупный багажъ подлежалъ экспропріаціи) хотѣли пройти, но были остановлены дикимъ рѣвканьемъ: „Нельзя, сдайте въ багажъ!

По мнѣнію остановившаго, наши чемоданчики оказались колоссальными. „Дайте ему подлецу, ворчитъ, десять рублей, сказалъ нес-шій нашъ багажъ, пропуститъ„ Дали и тѣже чемоданчики оказались невысокими. Вышли на платформу, около II кл. стоялъ пьяный, сопатый красноармеецъ, бряцая громко оружіемъ, брызгая слюнями, онъ рычалъ: „Всѣ вагоны заняты, проваливайте!„ Вертѣвшійся служащій заявилъ: „Дайте ему, сукину сыну, пятьдесятъ рублей, мѣста живо сыщутся, не дадите – проторчите на станціи.„ Дали и получили, хотя не въ самомъ вагонѣ, но въ предверіи – два мѣста для стоянія... Черезъ два года такой пропускъ обошелся бы въ десятки тысячъ.

Марксъ можетъ прыгать отъ радости въ своемъ гробу – послушные ему большевички въ четыре года всѣхъ какъ есть въ Россіи подѣлали милліонерами, а черезъ годикъ, два, если продержутся – то и милліардерами.

Копейка времени давно минувших - станетъ милліономъ.

Тутъ мы увидѣли зрѣлище неслыханное, ручающееся за лучезарное будущее. Мы подвигаемся все выше, выше; всѣ крыши вагоновъ были заняты людьми заплатившими за III классъ. Что должны были испытывать эти несчастные, бѣгущіе изъ городовъ, отъ грозящей имъ смерти отъ голода, въ рваныхъ одеженкахъ въ стужу. При сильномъ толчкѣ они разоспавшіеся часто сваливаются, разбиваются на смерть.. Но жизнь ихъ, съ воцареніемъ диктатуры пролетаріата, стала такъ безнадежно ужасна, безразсвѣтна, что многіе изъ нихъ смотрятъ на смерть какъ на избавленье, ея костлявыя объятья имъ не страшны..

Около дверей вагоновъ стояли зацѣпившись за ручки вагоновъ заплатившіе за II классъ, но не пожелавшіе дать взятку.. Съ какого душевного теплотого вспомнили мы желѣзно дорожныхъ жандармовъ, добраго, недавняго времени. Какими чуть не безкорыстными застѣнчивыми стали казаться самые ярые взяточники временъ Николая I. Нападки на держащихся за ручки, послѣ дол-

щихъ часовъ, неодолимый сонъ или отъ суточнаго держанья за ручку-онѣмѣлые и они упадутъ подъ вагоны, на полномъ ходу.

И терпятъ, все терпятъ апатичные, жалкіе рабы!!

Наконецъ съ большимъ опозданьемъ добрались до станціи Солнцева - Курско-Харьковской железной дороги, отъ которой нужно было нанять лошадей до слободы Мантуровой - имѣнья нашихъ близкихъ родныхъ. За тележку нахально претендующую на рессоры, но въ сущности тележку пытокъ, рессоры, лишенные и безъ того упругости, были обмотаны веревками. Обладатель послѣдняго слова мѣстнаго комфорта, за двадцать верстъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ рублей, взялъ сорокъ; черезъ два года такое же путешествіе въ настоящей телегѣ стало обходиться въ пять тысячъ рублей; на протестъ-лаконически отвѣчали: «Да развѣ вы деньги даете? скоро слюней будетъ жалко чтобы плюнуть на нихъ - слюни все же слюни, а это ничто. Отъ совѣтскихъ тысячъ не разбогатѣешь, а околѣешь!»

-Остановлюсь на краткой біографіи родныхъ у которыхъ роковая судьба предназначила мнѣ пробыть — исключивъ поѣздку на югъ, во время пребыванія тамъ бывшее — почти два года, и подъ конецъ быть свидѣтелемъ одной изъ самыхъ тяжкихъ трагедій. Въ послѣднее время истомленная душа, при видѣ всѣхъ ужасовъ, мертвѣла; наступало зловещее — грозившее самоубійствомъ, сумасшествіемъ — спокойствіе. У родныхъ, я глубоко, внимательно наблюдалъ окружающую жизнь; отмѣчалъ все знаменательное, выдающееся. Въ центральныхъ губерніяхъ совѣтскіе захватчики орудовали безъ маски, не церемонились.

Семейство близкихъ состояло изъ матери и дочери - мать вдова родного брата моей покойной жены, Ивана Егоровича Томилина, предводителя дворянства въ продолженіи шести надцати лѣтъ, пользовавшагося большой популярностью, всѣми любимаго, но къ счастью его умершаго задолго до уготованной разбойничьими бандами смертной казни всѣмъ землевладѣльцамъ, въ особенности дворянамъ помѣщикамъ.

Мантурова очень богатая торговая слобода, помѣченная на картахъ, въ шесть тысячъ душъ, съ пятью ярмарками извѣстными въ губерніи, съ магазинами въ которыхъ можно было достать все продающееся въ губернскихъ городахъ.

Мать и дочь отличались рѣдкою гуманностью, феноменальною щедростью, буквально ни разу никому не отказали въ помощи. Онѣ построили роскошную больницу, при ней развели большой фруктовый садъ; три большія школы; гимназію, чайную, на подобіе клуба, для торговыхъ людей во время ярмарокъ и создали библіотеку въ тридцать тысячъ томовъ изъ лучшихъ сочиненій авторовъ русскихъ и иностранныхъ; богатыми отдѣлами по всѣмъ знаньямъ, съ очень рѣдкими экземплярами старинныхъ книгъ; слобода и окрестныя деревни пользовались его безплатно. Охота къ чтенью постепенно росла, свѣтъ все больше пронизывалъ тьму.

Безграмотная власть, неутолимая, неутолимая въ грабежахъ, покушалась нѣсколько разъ ее растащить, раздать по

разнымъ школамъ; оставивъ для помѣщиковъ дорогіе шкафы и книги въ красивыхъ переплетахъ. Одинъ изъ нихъ заявилъ что бумаги теперь нигдѣ нѣтъ и много книгъ пойдутъ на папиросы.

Благодаря заступничеству лицъ сохранившихъ чудомъ человѣческій образъ, она не была разворована вплоть до гибели родныхъ, но они вознаградили себя больше подходящей краюсю – захватили очень цѣнный музей, предназначавшійся послѣ смерти родныхъ, – слободѣ. Музей собирали, не жалѣя денегъ, отецъ и дѣдъ моей племянницы. Онъ былъ оцѣненъ знатоками въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. На вопросъ жилецъ поступаютъ ли такъ за границей, я очень мягко отвѣтилъ: « тамъ подобный поступокъ подлежалъ бы уголовному суду. Кончился бы послѣ отобранія украденнаго каторгой на очень долгій срокъ, и наконецъ такого случая ~~случая~~ пока нигдѣ за границей не было.»

Родные устроили въ слободѣ почту, телеграфъ, телефонъ; завели племенной скотъ, породистыхъ лошадей; ввели усовершенств

ванныя земледѣльческія орудія; построили паровую мельницу.

Въ послѣднюю, такъ называемую, революцію, несмотря на ярыя, упорныя натравливанія совѣтскихъ бандъ очень щедрыхъ на чужое добро, которымъ сами не могли воспользоваться, крестьяне, подъ угрозой избіенья, не позволили пропойцамъ, воришкамъ разворовывать, разрушать усадьбу и многочисленныя постройки, но по приказанію бандъ захватчиковъ: усадьба съ паркомъ, всѣ постройки, ярмарки, ряды съ магазинами, чайная были объявлены народною собственностью. Вся земля была отобрана и какъ безпощадная издѣвка надъ владѣтельницами тысячъ десятинъ - матери и дочери, въ видъ особой милости, были оставлены двѣ десятины. Племенной скотъ, лошади, волы, всѣ земледѣльческія орудія были проданы крестьянамъ; полученныя деньги - распредѣлены по карманамъ комиссаровъ.

Благодаря позволенью устраивать крестьянамъ въ большомъ домѣ балы, митинги, оставшаяся отъ расхищенья комис-

рами мебель была поломана, изгажена до неузнаваемости.

Къ племянницѣ народъ питалъ не только любовь, но и благоговѣніе по слѣдующему случаю: въ 1905 году въ слободѣ вспыхнулъ бунтъ, старшина извѣстилъ губернатора. Была тотчасъ же прислана сотня казаковъ; она выстроилась противъ бунтующихъ въ боевомъ порядкѣ. Катастрофа грозившая смертью десяткамъ людей была предотвращена героическимъ вмѣшательствомъ племянницы. Застѣнчивая, робкая, утонченно деликатная, она бросилась между народомъ и казаками со словами: „Я не позволю прикоснуться къ народу, раздавите, убейте ~~раньше~~ прежде меня!" Такъ какъ ее умершій отецъ былъ предводителемъ дворянства, въ домѣ у нихъ бывали губернаторъ и вся мѣстная знать, казаки остановились. Народъ не сталъ искушать страшныхъ на своихъ лошадяхъ, вооруженныхъ казаковъ, мирно разошелся.

Многіе изъ народа въ годины ужасающихъ бѣдствій, къ чести ихъ, не забыли гуманныхъ, щедрыхъ владѣтельницъ.

Въ продолженіи почти всего моего пребыванья, до самой гибели родныхъ, рѣдкій день проходилъ безъ приношеній. Нашлось много семействъ въ груди которыхъ не умерла благодарность за все сдѣланное имъ добро — какъ всегда изъ хорошихъ поступковъ невольно вышли хорошія послѣдствія — несли все что могли съ трогательными словами: „Вы всѣмъ помогали, теперь позвольте и намъ вамъ сердечнымъ, болезнымъ помочь, не будьте гордыми, у васъ все отняли, неповинныхъ сгубили, нужно подѣлиться."

Въ концѣ марта 19 года, когда во время разлива прервалось сообщеніе между двумя половинами деревни, произошелъ характерный случай: крестьянину приснилось, что родные сидятъ безъ хлѣба. Проснувшись въ тревогѣ, онъ попросилъ жену тотчасъ же спечь нѣсколько хлѣбовъ и не смотря на разливъ, съ рискомъ потонуть передать моимъ близкимъ. Мы назвали этотъ хлѣбъ — хлѣбомъ благихъ грезъ.

Приношенія заносились въ особую книгу съ мыслью когда водворится настоящее правительство, отплатить великодушнымъ людямъ сторицею.

Мы только благодаря этимъ добрымъ людямъ не умерли съ голода.

Гуманность родныхъ наслѣдственная: мать моей покойной жены – урожденная Станкевичъ, была любимою сестрою Николая Владиміровича Станкевича. Изъ кружка Станкевича вышли великій критикъ Бѣлинскій, профессоръ Грановскій и другія знаменитости. Благодаря ему Россія узнала геніальнаго народнаго поэта Кольцова, русскаго Бёрнса. Герценъ, Тургеневъ относились къ нему съ благоговѣніемъ. Герценъ посвятилъ ему страницы полныя энтузіазма. Тургеневъ вывелъ его чудесный образъ въ романѣ „Рудинъ" въ лицѣ Покорскаго. На всѣхъ онъ производилъ неотразимо чарующее впечатлѣніе. Сталкиваясь съ нимъ, человѣкъ преображался – идеализмъ этого сверхчеловѣка былъ заразителенъ. Сами большевики назвали Газетный переулокъ, гдѣ поросаетъ Красотою захваченный, ограбленный ими

домъ его брата „Станкевическимъ."

Глава X.

При воцареніи слѣпыхъ и очень зрячихъ въ смыслѣ разыскиванья всего цѣннаго — бандъ насильниковъ, народъ первое время вѣрилъ что они искренніе люди, желающіе безкорыстно надѣлить его чужимъ добромъ. Благодаря низкому вранью, всевозможнымъ подделываньямъ подъ народъ, заискиваньямъ, пустозвоннымъ рекламамъ въ свою пользу, неисполнимымъ, наглымъ обѣщаньямъ всероссійскаго рая, они внушили народу что власть ихъ имѣетъ подъ собою почву, способна продлиться и закрѣпить разграбленье всѣхъ землевладѣльцевъ... Глубоко невѣжественный, темный народъ, не имѣя представленья о законахъ міровой эволюціи, не знакомый даже по наслышкѣ съ исторіей другихъ странъ, запутался во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ на право, справедливость, законы... Но слѣпота длилась не долго — разочарованье стало расти не по мѣсяцамъ, но днямъ. Съ 19 года я констатировалъ на

чинающееся всюду проясненіе, пониманіе;
деревни начали охватываться все болѣе
и болѣе глухимъ негодованіемъ, за — на-
ми, полный безграничнаго презрѣнія къ
народу обманъ.

Крестьяне не только изъ близкихъ, но
и далекихъ деревень, узнавшіе съ быстротою
телеграфа о пріѣздѣ заграничнаго писате-
ля, пробывшаго за границей сорокъ пять
лѣтъ въ изгнаніи, въ борьбѣ со старымъ
режимомъ, все знающаго, понимающаго,
могущаго все разъяснить что дѣлается
въ другихъ странахъ, дать хорошій совѣтъ,
предсказать вѣрно близкое будущее, ста-
ли посѣщать меня. Слава моя разрос-
талась. Посѣщали меня ежедневно де-
сятки людей; повѣряли свое горе; тяже-
кія думы; страхъ за будущее; проси-
ли совѣта. Я началъ узнавать во всѣхъ
подробностяхъ все творящееся вокругъ,
тайныя думы выплывали наружу.
Это были интереснѣйшія первоисточники.
Съ ноября 19 года, всѣ они, точно сгово-
рившись, твердили: « Это не прави-

тельство, а шайки оголтълыхъ грабителей, подлыхъ обманщиковъ... Они раздавали намъ недвижимое чужое добро, чтобы подбълатися къ намъ, задобрить насъ, укрѣпить свою проклятую власть. Они знали превосходно, что когда придетъ настоящее правительство оно возвратитъ самовольно взятое, покараетъ воровъ и разбойниковъ.. Надувая насъ, они не теряли даромъ время — набивали свои бездонные карманы. Сотни тысячъ проходимцевъ, частенько изъ арестантскихъ ротъ распоряжающихся Россіей не зная контроля, съ помощью взятокъ, экспропріацій, контрибуцій, разворовыванья частной собственности, отнятія золота, серебра, цѣнныхъ вещей, нажили въ короткій срокъ сотни и сотни тысячъ, а многіе — милліоны — настоящихъ денегъ. Для будущаго правительства, возстановленіе недвижимой собственности будетъ дѣломъ легкимъ; отобраніе скороненнаго по заграничнымъ банкамъ, въ потайныхъ мѣстахъ, карманахъ — станетъ въ многихъ случаяхъ невозможнымъ.

Ихъ красная армія, въ большинствѣ подонки народа. Служатъ они изъ за огром-

наго усалованья, позволенья безнаказанно грабить. Совѣтская власть въ центрѣ до этихъ поръ повидимому не хочетъ понять что никто её не считаетъ правительствомъ. Вся Россія въ ней видитъ стеченіе всѣхъ золъ, несчастій, всего безумнаго и нелѣпаго. Ей удалось захватить власть благодаря позволенію всѣмъ насильничать и грабить. Поднялось все подлое мерзкое, разнузданное, освобожденное отъ Христа и морали. Совѣтская власть убила въ человѣкѣ все человѣческое; пробудила бѣшеную безсмысленную скотину. Недаромъ англичане говорили бѣлымъ на Украйнѣ: « У васъ нужно истребить безжалостно нѣсколько милліоновъ рыжей сволочи - чтобы Россія поднялась изъ хаоса и муки къ новой жизни».
Всякій городишка, деревня орудуютъ по своему.

Шайки разнузданныхъ негодяевъ, разсѣянные всюду, тратятъ наворованныя деньги, издѣваясь надъ попытками контроля состоящаго изъ такихъ же самоуправцевъ и воровъ какъ они сами. Они занимаютъ чужіе дома, конечно богатыхъ; при оставленіи ломаютъ, гадятъ все что не могутъ стянуть. Они разрушили всѣ коммерческія предпріятія, свободную торговлю,

Ихъ кооперативы съ насаженными въ нихъ
коммунистами, берутъ тысячи процентовъ
съ жалчайшихъ продуктовъ изрѣдка посылаемыхъ
имъ. Разъ, два въ годъ появляется сахаръ и ке-
росинъ по необычайнымъ цѣнамъ, на семейство
рѣдко приходится полъ бутылки керосина и
фунтъ сахара. Коммунисты распоряжающіеся
въ лавкахъ конечно тотчасъ же по прибытіи жал-
чайшихъ продуктовъ, забираютъ львиную долю.
О магазинахъ стараго режима ~~переполненныхъ всѣмъ чѣмъ была богата Россія~~, магазинахъ — пол-
ная чаша, гдѣ мы за ничтожную плату
имѣли, начиная съ необходимаго, кончая чуть
не роскошью, всѣ русскіе и иностранные про-
дукты — мы перестали и во снѣ мечтать.
Намъ всѣмъ Николаевское царствованіе теперь
кажется земнымъ раемъ. Совѣтская банда разво-
ровавъ все что накопила Россія въ сотни лѣтъ,
замышляетъ грабить — послѣдній ихъ ресурсъ —
церкви. Но мы сказали, что всѣхъ попередушимъ
прежде чѣмъ имъ удастся святотатство. Мы
отрезвѣли все поняли. Мы хотимъ порядка, за-
конности, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.
Мы не хотимъ земли даромъ; если нужно.

ограбить помѣщиковъ, землевладѣльцевъ – то и всѣхъ можно. Разъ воровство стало не преступленіемъ, но похвальнымъ дѣломъ, то разбою, воровству конца не будетъ. Начали съ помѣщиковъ, и по темнотѣ нашей мы радовались, затѣмъ принялись за торговыхъ людей, состоятельныхъ крестьянъ, а подъ конецъ въ лоскъ стали обворовывать насъ самихъ. Вспомнили мы нашу подлую радость – собственная шкура все разъяснила. Тогда подхихикивая яму помѣщикамъ, издѣвались надъ ихъ смертнымъ горемъ и сами въ тьму могильную провалились. Только теперь стали спрашивать себя за что мы ихъ гнали, ненавистничали, развѣ на ихъ мѣстѣ отказались бы мы отъ всѣхъ благъ, а разъ мы на ихъ мѣстѣ были бы не лучше, но хуже ихъ, то какъ же мы смѣемъ гнать ихъ, за что-то мстить. Намъ остается взять вилы, топоры и добиваться переворота. Иначе всѣ сгинемъ. У насъ нѣтъ завтрашняго дня, намъ незачѣмъ добиваться лучшаго, проявлять свои силы, таланты, устраивать по своему жизнь, давать дѣтямъ воспитаніе. Придетъ получившій почетъ каторжникъ

или пропойца, въ званіи пролетаріята, все разграбитъ. Мы землю хотимъ пріобрѣсть законнымъ путемъ, чтобы нельзя было ее послѣ отнять. Мы теперь узнали что значитъ, слышать одинъ голосъ – разъ не будетъ полной свободы все взвѣшивать со всѣхъ сторонъ, мы ничего не узнаемъ. Теперь за малѣйшее слово противъ опротивѣвшихъ всѣмъ брехуновъ, наемниковъ, они кричатъ: „Вы контръ-революціонеры, мы будемъ васъ разстрѣливать. Хороша свобода, на все несвободное. Если по водворенію порядка къ намъ разгонится подобный проходимецъ, мы вздернемъ его на первый сукъ. Они подрѣзали въ корнѣ всѣхъ революціонеровъ; они станутъ всѣмъ ненавистны. Всѣ будутъ опасаться, что они змѣиныя яйца высиживаютъ, что изъ нихъ вылупятся большевики со своими пробами. Довольно насъ, съ злодѣйскими, корыстными расчетами наускивать на убійства, самосуды, растаскиванія по камнямъ и бревнамъ чужихъ построекъ. Лютость, преступленія ни въ какія времена дѣломъ праведнымъ не станутъ.

Последнее время они изъ силъ выбиваются всевозможными льготами насаждать коммунистовъ. Суютъ ихъ въ потребиловки, даютъ выгодныя мѣста, и не смотря на все - въ коммунисты идутъ только отпѣтые воришки, проходимцы, но за то они творятъ что хотятъ. Съ револьверомъ въ рукахъ залѣзаютъ не только въ дома буржуевъ, но и состоятельныхъ крестьянъ. Вскрываютъ сундуки, отбираютъ все цѣнное, часто приданое дочерей заготовленное долгими годами лишеній. Травятъ дизертировъ, доносятъ на собственную деревню; указываютъ кого нужно обобрать. Народъ возненавидѣлъ ихъ до того, что ждетъ только паденія власти, чтобы повышвырнуть ихъ изъ деревни, а самыхъ гнусныхъ безпощадно истребить.»

Я передаю всѣ рѣчи литературнымъ языкомъ, сохраняя въ точности ихъ смыслъ, конечно исключивъ по адресу большевиковъ часто пускаемыя, ласкательныя по матерному и прочее.

При первой возможности, я разговорился съ однимъ сравнительно добро-

душнымъ коммунистомъ, который еще не рѣшился перейти отъ теоріи къ практикѣ.

На вопросъ какъ онъ понимаетъ слово коммунистъ, онъ не задумываясь, какъ отдолбленный урокъ отвѣчалъ:

«Словари объясняютъ, что все всѣмъ принадлежитъ, что я имѣю право взять гдѣ будетъ возможно, все что мнѣ недостаетъ, все мнѣ нужное, что за границей такъ давно установилось.»

— Видите-ли, молодой человѣкъ, отвѣчалъ я, разъ вы за границей безъ приглашенія вздумали бы забраться въ чужой домъ, съ цѣлью отобрать все вамъ нужное... нужное уже — слово чрезвычайно эластичное: одинъ хохолъ говорилъ, что будь онъ царь, онъ все бы сало ѣлъ, а императора Наполеона цѣлымъ міромъ нельзя было насытить, васъ вѣрнѣе всего вывернули бы, давъ при этомъ, прощальный, сильный ударъ въ мягкія части. Если бы это не образумило и коммунизмъ не поколебался, васъ предоставили бы въ руки блю-

блюстителей порядка и все кончилось вы-
довольно продолжительной тюрьмою... Во
всѣхъ странахъ были и есть отбирателями всего
имъ нужнаго, но они тамъ называются не комму-
нистами но по просту - ворами и обыкновенно
проводятъ лучшіе годы жизни не въ коммунис-
тическихъ фаланстеріяхъ но въ тюрьмахъ... Въ
свободной Англіи для входящихъ въ квартиру со
взломомъ - существуетъ исключительный законъ:
необыкновенно отрезвляюще дѣйствующій на охотниковъ
до взлома, имъ даютъ сто плетей и затѣмъ при-
суждаютъ къ очень долгой тюрьмѣ. Карлъ Марксъ
на волосъ не облегчилъ ихъ задачи... Наши Марксисты
такъ возлюбившіе вхожденіе со взломомъ, должны
благословлять часъ рожденія въ Россіи. Что же ка-
сается до доктрины: можно ограбить богатаго,
то изъ этого можетъ выйти только несколько:
сильное обнищаніе... Практика Совѣтскихъ бандъ
показала это поразительно наглядно.

Вы бѣдный въ лоскъ обчистили богатаго,
но разъ вы сами стали богатымъ, васъ въ

симу той же воровской логики, может обчи=
стить другой бедный, другого—третий и так
далее, далее, конечно жизнь при такой
свободе обираний, стала бы нескончаемым
беспрерывным трепетом, препровождением
времени под Дамоклесовым мечом, дру=
гими словами абсолютно невозможной. Но
конечно вы имели ввиду участие богатого
поделиться взятым с товарищами бедными,
не обладающими широтою ваших социа=
листических взглядов, смелым наскоком...

Коммунист гогочет: „Какого дьявола
стану я рисковать своею шеей для других...
Хочешь наслаждаться богатством орудуй
на свой страх, я по христианскую добродетель плюю...."

— Каким образом вы можете осуждать богатство, раз вы сами только
и мечтаете, чтобы сделаться богатым,
без труда отнять нажитое долгим трудом. Зная,

умомъ, талантомъ; даже пойти ради этого на тяжкое преступленіе... Когда богатство у васъ - это превосходно; у законнаго его владѣтеля - очень скверно. Согласитесь, что мораль, послѣдовательность тутъ не только хромаютъ на обѣ ноги, но и совсѣмъ безъ ногъ.

— Я коммунистъ, я мораль не признаю. Говорятъ за границей законъ вышелъ, чтобы всѣхъ воровъ большевиками называть. Разъ ада и рая нѣтъ, то боятся нечего - валяй во всю. Дѣлай что вздумается - на то и свобода. Я не буржуй, у меня религіи нѣтъ. Говорятъ, что за границей всѣ невѣрующіе.

— Вы ошибаетесь, адъ существуетъ въ нашей земной жизни, онъ неизбѣжное последствіе злыхъ дѣлъ.... Адъ - наша совѣсть; ее полное отсутствіе врядъ ли встрѣчается даже у сумасшедшихъ; душевно больныхъ... За границей много людей не вѣрующихъ въ грубые обряды, предразсудки, но всѣ они вѣрятъ въ мораль, которая была и есть святая святыхъ

всѣхъ религій; съ уничтоженіемъ которой не мыслимы ни человѣческое общество, ни сама жизнь. Великій пророкъ на вопросъ: « Какъ узнать что наступилъ конецъ міра?„ Отвѣтилъ: « Когда у одной души не будетъ ничего для другой души.» Случись это – человѣчеству оставалось бы запалить міръ со всѣхъ концовъ и затѣмъ въ порывѣ отчаянья перерѣзать другъ другу горло.«

Скажу отъ себя, что страшные четыре года пережитые подъ игомъ безсмысленной кровавой сумятицы, дали незабываемый урокъ помѣщикамъ, торговымъ людямъ, землевладѣльцамъ, крестьянамъ, но болѣе всего революціонерамъ. Мы увидѣли изнанку революціи, не даромъ она не вспыхивала во всей Европѣ съ 48 года, а во Франціи съ 70 г. Мы узнали нескончаемыми муками души и тѣла кто въ концѣ концовъ можетъ ею воспользоваться. Не даромъ Тэнъ въ полной глубочайшаго анализа и обобщеній, исторіи революціи говоритъ что ре–

волюція подготовляется великими умами и сердцами, а приводится въ исполненіе большинствомъ подонковъ общества, гіенами въ образѣ человѣческомъ.

Меня поразило ~~чудесное~~ отрезвленіе народныхъ и рабочихъ массъ. Проснувшійся, хотя и поздно, здравый смыслъ. Какимъ-то чудомъ, они получали и получаютъ драгоцѣнныя свѣдѣнья, которыя имъ конечно не можетъ дать извращенная, продажная, лишенная талантовъ, подлая прислужница Вечека-пресса въ сытномъ пайкѣ черпающая вдохновеніе. Народъ буквально все знаетъ: самые ѣдкіе каламбуры, рифмованные сарказмы - бичующіе палачей, разгуливаютъ всюду. Мнѣ самому въ Москвѣ пришлось прочесть очень много поэмъ отличающихся необыкновенно злымъ остроуміемъ, распространяющихся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ особенности характерна сатира: „Карлъ Марксъ въ Москвѣ".

Не перейди мы всѣ черезъ чудовищ-

ный опытъ, намъ грозили бы въ будущемъ новыя и новыя кошмарныя пробы ... Въ Россіи воровъ не оберется, есть на кого опереться.

О томъ что творилось до отрезвленья — конечно самою худшею частью населенья — я передамъ, опираясь на неоспоримые факты. По показанью очевидцевъ, самыя богатѣйшія имѣнья, полныя рѣдкихъ картинъ, фамильныхъ художественныхъ портретовъ, рѣдкаго фарфора, драгоцѣнной бронзы, дома-музеи были хуже чѣмъ разграблены: драгоцѣнныя картины были изрѣзаны, фарфоръ-разбитъ, бронзовыя издѣлья-исковерканы, фамильные портреты подвергались издѣвкамъ - выкалывались глаза, запакощивались прекрасныя лица. У одного нашего знакомаго, огромная, необыкновенная по составу, по стариннымъ книгамъ французская библіотека была изодрана въ клочья, близъ лежащее шоссе на цѣлыя версты усыпано было цѣлымъ слоемъ порванныхъ книгъ. Разскажу о видѣнномъ собственными глазами: Огромный

домъ, многочисленныя постройки близкаго сосѣда родныхъ - Похвостнева, были расхищены до основанья. Владѣлецъ оцѣнилъ потерю въ нѣсколько милльоновъ рублей. Когда спрашивали дикарей: „Зачѣмъ свершили вы всѣ эти дикія безобразия. Если вы вѣрили въ прочность власти, что все принадлежавшее помѣщику - почему то лишенному безъ тѣни вины всѣхъ правъ состоянья - станетъ народнымъ достояньемъ, вы бы могли въ огромномъ, роскошномъ домѣ и построй-какъ устроить образцовую школу, больницу, театръ, кинематографъ, залъ для собраній, дорогая мебель, картины, обширная библіотека были бы сокровищами для будущаго. Племенной скотъ, вами пущенный на убой, улучшилъ бы породу въ вашей деревнѣ." Они апатично отвѣчали: „Нашло на насъ. Точно озвѣрѣли, одурѣли, нечистая сила попутала - повзбѣсились. Декретники присовѣтили. Сукины сыны науськивали не только разносить постройки, но и

убивать помѣщиковъ. Послѣ, какъ полный угаръ прошелъ, опомнились, да уже поздно."

У очень богатаго сосѣда - Єника, тимскіе комиссары, на сорока подводахъ, вывезли очень дорогую мебель, посуду, бронзу; раскрали необыкновенныхъ рысистыхъ лошадей, породистый скотъ, великолѣпные экипажи.

Родственникъ Н. И. Червонный, завелъ въ своемъ имѣніи не только образцовое культурное хозяйство, но и электрическое освѣщеніе, телефонъ. Въ разгарѣ безобразій, крестьяне порвали провода, а совѣтскіе умницы разворовали машины, приборы, обширную дорогую мастерскую. Крестьяне благодаря мраку невѣжества - остались во мракѣ. А за неимѣніемъ керосина, масла стали зимою ложиться въ пять часовъ вечера, а во время тифа - охватившаго всѣ деревни - больные въ долгія зимнія ночи оставались безъ помощи.

Но ~~...~~ безумнѣе всего, что совѣт-

ская диктатура вернула самое злостное крѣпостное право: офицеровъ, подъ угрозой разстрѣла несмотря на отставку, заставляли служить; всѣхъ учителей, учительницъ - исполнять совсѣмъ незнакомыя имъ, тяжкія работы; мастеровыхъ, рабочихъ, крестьянъ бросать свои работы и исполнять - Совѣтскія; возобновлять тщетно все ими разрушенное. Никто, подъ угрозой самыхъ жестокихъ каръ, не смѣлъ отказываться. Выѣздъ строжайше запрещенъ. Это была уже не подёнщина, но - каторга.

Въ февралѣ 19 года, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей совѣтской власти, посвященный во всѣ ея тайны; подавшій въ отставку. Знакомый съ моими сочиненьями, угадавшій мои чувства, вѣрившій что рано или поздно я вырвусь и разоблачу все виденное и пережитое, разсказалъ слѣдующее:

« Въ столицахъ и всѣхъ городахъ на взрослаго человѣка выдаютъ четвертъ, а чаще всего восьмушку не хлѣба, но помѣси изъ всѣхъ отбросовъ. Цѣны на всѣ жизненные

припасы выростають до размѣровъ невѣроятныхъ и все растутъ, растутъ. Николаевскія бумажки цѣнимыя всѣми, посылаются чуть не вагонами въ Германію. Новый урожай; скотъ; выкраденное золото; мануфактура; мѣха; кожи сплавляются въ туже Германію: это уплата по Брестъ-Литовскому миру. Конечно половина всего, обращенная въ деньги нашими осатанѣвшими ворами, помѣщена въ надежные иностранные банки.

Разграбивъ, опустошивъ всю Россію, они теперь бросаютъ алчные взоры на церковныя имущества. Напомните мое слово, что отыщутъ они предлогъ: прикроются чуть не филантропическими чувствами, и съ оружіемъ въ рукахъ разграбятъ церкви. Пока они трусятъ. Народъ всюду объявилъ, что только черезъ ихъ трупы имъ удастся страшное дѣло. Золотыя, серебряныя ризы иконъ; вѣнцы; золотая утварь; чуть не пуды жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, собираемые столѣтіями разжигають ихъ мародерскіе апетиты.

«Красныя арміи при одномъ видѣ настоящаго войска разбѣгаются, бросаютъ оружіе. ~~Власть~~ Они все движимые ненасытной корыстью, желаніемъ продлить преступное существованіе, силятся мобилизировать новыя арміи. У нихъ нѣтъ почти оружія, снарядовъ. Они кормятъ солдатъ тухлою селедкою, кониною часто зараженною сапомъ, а зараженныхъ сапомъ солдатъ – ввиду избавленія отъ мученій – разстрѣливаютъ. Въ зиму, въ мятели гонятъ на фронтъ въ рваныхъ шинеляхъ – побитыхъ стужею. зачастую въ разодранныхъ лаптишкахъ. Повальныя эпидеміи царятъ всюду. Заболѣвшихъ, раненыхъ, искалеченныхъ швыряютъ на клочья гнилой соломы пропитанной испражненьями, въ вагоны для скотовъ гдѣ вши кишатъ. Докторовъ, сестеръ милосердія, лѣкарствъ, перевязокъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ городахъ больницы въ лютые морозы не отапливаются. Мертвецы по нѣсколькимъ днямъ лежатъ рядомъ съ истрадавшимися живыми... девятый кругъ дантевскаго ада всюду... И не смотря на все – мобилизируютъ. А вна

чамъ кричали что армiи совсѣмъ не будетъ, или она будетъ состоять изъ однихъ добровольцевъ. Дезертирамъ грозятъ разстрѣломъ. Новобранцы побогаче откупываются нѣсколькими штофами водки, десятками фунтовъ мяса. Бѣдные на страхъ отказываются идти противъ собственныхъ братьевъ, не вѣря на минуту въ окончательную побѣду совѣтской власти. Взятые силою, несмотря на запираемые вагоны, выламываютъ полы и убѣгаютъ. Болѣе смѣлые кричатъ: «Вы говорили когда это вамъ было выгодно, когда вамъ нѣмцы щедро платили за предательство, что миръ долженъ царить между народами, что армiи не должны существовать, что онѣ исчадье капитализма. Но когда миръ, послѣ пятилѣтней мiровой рѣзни установился, вы продолжаете гнать народъ на кровавую борьбу съ собственными братьями изъ за проклятой наживы, жажды власти. Вы нагло требуете чтобы мы защищали вас въ прахъ сгубившихъ, разворовавшихъ Россiю,

держащимся на пулеметахъ, на пыткахъ и разстрѣлахъ.

«За эти рѣчи сколькихъ ораторовъ швыряли въ гнилые подвалы; морили голодомъ; грозили пыткою и смертью. Тюрьмы самодержавія стали всѣмъ казаться чуть не гостиницами въ сравненіи съ совѣтскими.»

На мой вопросъ — какой же интересъ совѣтскимъ чудовищамъ доводить страну до отчаянья, не идіоты же они? Онъ съ горькою улыбкою отвѣчалъ: «То исполняются веленья Вильгельма и военной партіи. Во время Брестъ-Литовскаго мира, нѣмцы сказали имъ: „Если вы не исполните съ строжайшей точностью всѣ наши веленья, мы васъ мгновенно сметемъ съ лица земли.“»

Нужно сказать, что наживающіе несмѣтныя деньги въ центрѣ, не хотятъ конкуренціи. Они не такъ давно, при мнѣ въ Москвѣ, разнесли пулеметами нѣсколько притоновъ анар-

кистовъ, поусердствовавшихъ слѣдовать ихъ примѣру, съ игривою безцеремонностью захватившихъ богатые дома, до которыхъ еще не успѣли добраться большевики, и начавшихъ въ нихъ устраиваться весьма комфортабельно, не забывъ кой какую мебель попроще удѣлить неимущимъ.

Совѣтская банда даже была готова преслѣдовать фрондирующій грабежъ, самое подражанье, но она оказалась безсильна. Всѣ говорили: „Разъ во главѣ стоятъ отъявленные разбойники, грабители, преслѣдовать плоть отъ плоти своей, кость отъ костей своихъ - чудовищная несправедливость.

Всѣ слушающіе рѣшили признавать ухаживанье, пайки, но не въ конецъ проворовавшуюся власть. Они знали, что ея гибель неизбѣжна, что она безсильна, что каждый городъ, деревня орудуютъ на свой страхъ.

Я зналъ много случаевъ въ Москвѣ когда при нескончаемыхъ обыскахъ, о ко_

торыхъ не снилось въ самые темные годы самодержавія, исчезали изъ передникъ не только шубы, польта, мѣховыя шапки, но и калоши. Если обворованные грозили составить протоколъ имъ рыская со смѣхомъ заявляли: „Попробуйте составить или пропечатать въ какой нибудь газетѣ, мы у васъ завтра не оставимъ, какъ говорится, камня на камнѣ и кромѣ этого, обвинивъ въ сопротивленіи съ оружіемъ въ рукахъ, пристрѣлимъ васъ. Вы знаете, что контроль не мыслимъ, такъ какъ кончится неизбѣжно комедіей — рука руку моетъ, что вздумаетъ; то и сдѣлаетъ. Иначе такому правительству (хохотъ становится сардоническимъ) никто не сталъ бы служить. По Сенькѣ и шапка. Не забывайте, что вокругъ насъ растутъ враги безпощадные. Намъ есть за что отвѣтить, и мы сами разлагаемся какъ падла на лѣтнемъ солнцѣ. Не нынче-завтра установится настоящее правительство, и разъ мы будемъ захвачены,

съ нами церемониться не будутъ, безъ суда всѣхъ поперевѣшаютъ.

Глава XI

Прежде чѣмъ говорить о контрибуціяхъ, я долженъ указать на вызвавшія ихъ причины. Самые продувные воры стоящіе во главѣ правленья, знали превосходно что расплата близится, что никогда Россія, разъ она не сошла съ исторической сцены, за правительство ихъ не признаетъ, они помнили конечно чѣмъ кончили наши самозванцы, и потому рѣшили, опираясь на красные подонки Россіи, вытянуть изъ народа и состоятельныхъ классовъ всѣ николаевскія бумажки и керенки признанные правительствами всѣхъ странъ. Когда создались эти финансовыя комбинаціи – николаевскія бумажки принимались за границей; они стояли сравнительно высоко; керенки принимались тоже, но по болѣе низкому курсу. Выкравъ ихъ, они не теряя времени обмѣнивали ихъ за границей и припрятали въ доступные имъ иностранные банки

бѣлые наступали съ юга въ случаѣ катастрофы они съ заранѣе заготовленными фальшивыми паспортами и гримировками, надѣялись удрать за границу и зажить во все свое шкурное удовольствіе. Тяготѣвшія на нихъ ужасныя преступленія не безпокоили ихъ, они утѣшали себя увѣренностью, что совѣсть звукъ пустой, буржуазный забавный предразсудокъ, немыслимый для истиннаго коммуниста - истязателя Вечека.

Затѣмъ, чтобы не сбить цѣну съ награбленнаго, стали выпускать съ серпомъ и молотомъ свое тряпье сотнями милліардовъ въ мѣсяцъ. Въ 21 году довели ихъ цѣнность до истраченной на нихъ бумаги. На югѣ, сохранившіе у себя почтовую бумагу, вмѣсто сотни тысячъ выдавали бѣлый листъ почтовой бумаги.

Совершенно неожиданно на Мантурову, за то что она раньше большевиковъ была большой торговой слободой и ея идеи не совпадали съ совѣтскими, была наложена контрибуція въ пятьсотъ тысячъ. Бывшихъ состоятельныхъ людей отказавшихся платить, заперли въ подвалъ - служившій во время

ярморокъ отходилъ мѣстомъ - начали мо_
рить голодомъ, грозить разстрѣломъ, давали
селедку и не давать пить. При помощи тер-
рора имъ удалось собрать всю сумму нико_
лаевскими и керенками. Конечно оне тот_
часъ же провалились въ ихъ карманы.

Передамъ характерный эпизодъ о томъ
какъ вымогались деньги разсказанный мнѣ
прелестной дѣвушкой - Софьей Александровной
Русановой: „Въ два часа ночи слышимъ
въ стрѣльбе около входныхъ дверей, затѣмъ
стукъ прикладами. Мать нервная, измy-
ченная вѣчнымъ страхомъ, лишилась
чувствъ; отца не было дома. Братъ отво_
рилъ дверь, входятъ пожилой человѣкъ
и молодой въ сопровожденіи вооруженныхъ
звѣрообразныхъ красноармейцевъ. Послѣ уз-
нали, что пожилой за воровство, вооружен_
ное убійствомъ, отбылъ десять лѣтъ ка_
торги (видимо выдержалъ на аттестатъ
зрѣлости, такими людьми власть всегда
дорожила, вручала имъ бразды разбоя и гра_
бежа). Начался обыскъ. переворачивали
все въ комодахъ, сундукахъ, ворочали пос_
тели. Не будь мы тутъ, не спрячь

заранѣе немного цѣнное - все бы исчезло. Осмотрѣвъ все, подсилой обращается ко мнѣ съ крикомъ: „давай пятьдесятъ тысячъ николаевскими не отыщешь - разстрѣляемъ". „Откуда же я возьму, отвѣчаю я спокойно, откуда нѣтъ дома, да у него и нѣтъ такихъ денегъ - у насъ уже давно все выкрали". - Становили къ стѣнѣ. Становлюсь и жду смерти. После всѣхъ пережитыхъ, невѣроятныхъ ужасовъ, полнаго разоренья - смерть не казалась страшной. Молодой человѣкъ (видимо плѣнившийся ея красотой, молодостью, мужествомъ) не выдержалъ: - Довольно вамъ издѣваться надъ ни въ чемъ неповинной дѣвушкой. Пытка кончилась."
Я часто любовался на эту характерную русскую дѣвушку, соединившую въ себѣ красоту, женственность съ героической душой, не вѣдающей страха.

У племянницы заявившей, что у нея все отнято, кромѣ фамильнаго серебра, двадцать пять руб. того серебра было отобрано тѣмъ же каторжникомъ.

Не прошло мѣсяца, какъ получился приказъ отъ центра, узнавъ объ вопіющихъ удавленіяхъ разграбленіи у высшаго на-

чальства разозлившимъ анархистамъ, приказъ позволявшимъ стащить съ Мантурова три миллиона сто восемьдесятъ тысячъ рублей николаевскими. Врядъ ли нѣмцы съ своей въ разгаръ войны, брали такія контрибуціи.

Какъ яркую характеристику находчивости властей, служу что съ Русановки-разоренной ими, рѣшено взыскать какъ съ бывшихъ буржуевъ, а нынѣ пролетаріевъ, четыреста тысячъ рублей. Не потерявшій вполнѣ совѣсти комиссаръ лично пораженный безсмысленной контрибуціей, убѣдившійся что общество Русановки зачастую сидитъ безъ хлѣба, питается однимъ картофелемъ спустилъ контрибуцію на пять тысячъ.

Непомѣрная жадность и идіотизмъ единственные во всей вселенной потерпѣли полное фіаско. Мантурова и близь лежащія деревни наотрѣзъ отказались платить. Снова состоятельные въ прошломъ были схвачены, брошены въ тюрьмы съ угрозою разстрѣла. Въ глухихъ деревняхъ пущены были излюбленныя пытки: на головы надѣвали мѣшки и колоко-

штыками; въ темнотѣ связанныхъ били до полусмерти; привязывали къ стволу деревьевъ и въ продолженіи цѣлаго часа стрѣляли, стараясь мѣтить близко къ головѣ, но такъ какъ Вильгельмъ Телль среди, зачастую пьяныхъ стрѣлявшихъ не встрѣчались, привязанные въ продолженіи цѣлаго часа ежеминутно ожидали смерти. Въ близкой отъ насъ деревнѣ, засѣкли чуть не до смерти двухъ стариковъ заподозрѣнныхъ въ скрываніи денегъ. Тифъ сталъ разгуливать не только по деревнямъ, но и по уѣзднымъ городамъ; всѣ пролетаріи были его объединены. Чрез--вычайки, съ ихъ средневѣковыми пытками, стали потихоньку вырисовываться. Невѣроятные слухи, несмотря на огромное число шпіоновъ разростались, принимали пугающіе размѣры, становились, благодаря удушенію независимой прессы, подпольными, очень и очень опасными для очумѣвшихъ садистовъ.

За три дня до новаго года, къ намъ явились во всеоружіи красноармейцы. Заявили что племянница заарестована,

должна съ ними пять въ Тиме. пробыла подъ арестомъ три дня. Воротилась вечеромъ подъ новый годъ. Разсказала слѣдующее:
„Отвели маленькую комнатку съ доскою вмѣсто постели пятна отъ клоповъ несъ. тѣрны стѣны. Сосѣди по тюрьмѣ оказались дезертиры. Они быстро подружились со мною. Въ первый же день мы подѣлились братски скудною пищею. Они заявили что убивать братьевъ не станутъ, предпочтутъ разстрѣлъ. На второй день, часа въ два ночи, явились ко мнѣ, съ пьяными, звѣрообразными физіономіями два комиссара съ револьверами въ рукахъ, грубо заявили:
„Говорятъ, ты зарыла сто тысячъ золотомъ. Если ихъ не отдашь, мы сумѣемъ добиться и безъ Вечека. Узнаешь тутки будемъ, жизнь потянешь. Затѣмъ заявили, что останутся со мною ночевать. Я спокойно отвѣчала — я васъ не боюсь; жизнь моя въ моихъ рукахъ; позора и насилія я не допущу, сумѣю покончить съ собою.
Видимо вы повѣрили немѣтому лгнью очень злаго человѣка. Насъ давно обокрали.

Я вамъ недавно отдала послѣднее цѣнное фамильное серебро. Денегъ конечно у меня нѣтъ; если я заявила, что нѣтъ сомнѣнья - безъ свидѣтелей объ этомъ никто не могъ знать. - Грозя револьверомъ, они удалились. Сосѣди тотчасъ же собрались у меня со словами: „Мы все слышали, милая, святая барышня, ты извѣстна не только своей слободѣ, но и всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, всѣ знаютъ твое сердце, попробуй проклятые грязнюки съ пьяну прикоснуться къ тебѣ и мы ихъ тотчасъ же уклопали бы на мѣстѣ и разнесли тюрьму.“ »

Измученная тремя лѣтними душевными истязаньями, видомъ полнаго разоренья, она подъ бременемъ послѣдняго надруганья, мысли, что такіе злодѣи, рано или поздно, ни передъ чѣмъ не остановятся, изнемогла, стала сильно, зловѣще задумываться.

Глава XII

Разсказы слышанные изъ десятковъ устъ, безъ противорѣчій, до извѣстной степени ручаются за ихъ правдивость. Взявъ въ расчетъ [illegible] невѣжество царящее въ деревняхъ, можно думать что подобные пассажи фигурировали всюду.

У богатаго помѣщика, большаго музыканта, грабители напали на роскошную рояль Эрара. Попробовали на ней отбарабанить какафонію, весь инструментъ зазвучалъ. Четыре товарища захватившіе рояль рѣшили что всѣ ея части даже взятыя отдѣльно будутъ услаждать ихъ музыкальное ухо. Восхищенные открытіемъ они порѣшили разрубить рояль на четыре части, чтобы никому обидно не было - къ тому же она не могла бы помѣститься ни въ одной хатѣ.

Несмотря на печальный опытъ съ роялемъ новое недоразумѣніе произошло съ граммофономъ; захватившіе его шесть се-

ловкѣ, не желая чтобы только нѣсколь-
кимъ изъ нихъ достались лучшія куски,
разрубили диски на шесть частей.

Грабя домъ сосѣда - Похвастнева, кре-
стьянинъ захватилъ огромное зеркало,
но для него комнаты оказались низкими,
пришлось, пока додумаются, снести въ коров-
никъ, который строится обыкновенно безъ
потолка. Возвратившаяся съ пастбища
корова видимо воображавшая себя гораздо
лучше чѣмъ была въ дѣйствительности,
возмутилась при видѣ себя съ рогами
въ зеркало и конечно разбила въ дребезги...
Немезида!!

Глава XIII

Разскажу о нѣсколько выдающемся пре-
ступленіи... Несмотря на всю поразительную ре-
льефность, оно конечно осталось безнаказаннымъ,
то было логическое послѣдствіе непризнанія
чужой собственности въ виду пламеннаго жел-
анія совѣтской власти отобрать ее въ
свою личную пользу.

Передаю со словъ госпожи Клѣпиной.
Мужъ ея былъ очень богатый негоціантъ,

по идеямъ передовой: былъ въ перепискѣ съ Григоріемъ Петровымъ. Его богатство не даромъ разжигало мародеровъ мѣстной власти.

Его рѣшили устранить, ускорить законъ природы. По нынѣшнему, попросту разстрѣлять, а затѣмъ обворовать въ лоскъ беззащитную семью.

Одинъ комиссаръ, которому я разсказалъ о выдающемся корыстномъ преступленіи, сталъ меня неспокойнаго — успокаивать словами: «Кто знаетъ, можетъ быть этому буржую предстояла тяжкая болѣзнь отъ сытой жизни; онъ умиралъ бы медленно и мучительно, тогда какъ разстрѣлъ — разъ, два, три, пафъ, паръ и черепъ, можно сказать, въ [illegible]: всему въ минуту конецъ. Семейство по глупости не хочетъ этого понять и вмѣсто благодарности позволяетъ себѣ дуться, корчить кислую рожу.»

На вопросъ мой: «Ну, а грабежъ?» отвѣчалъ: «Не все уже имъ однимъ пользоваться, надо и честь знать.»

Послѣ благодѣтельнаго устраненія, уже не понятнаго ограниченной семьей,

спокойно были своровавы: дорогiе лѣтнiе и зимнiе экипажи, чудные рысаки, огромные запасы во многихъ магазинахъ, очень дорогiя шубы, мужское и женское платье, большое приданое дочери, роскошная мебель, посуда, нѣсколько сотъ тысячъ золотомъ, всего на сумму четырехъ миллiоновъ рублей золотомъ.

Когда семья спросила воровъ: „Зачѣмъ вы схитили приданое дочери, разъ вы не женаты?“ Они игриво отвѣчали: „Кто знаетъ будущее, съ деньгами что мы теперь имѣемъ, мы сыщемъ богатую партiю. Нашъ Богъ дастъ дочку, ей приданое и пригодится, а вы вмѣсто того чтобы попусту задавать вопросы, помнили бы что вы должены радоваться и слезно благодарить насъ что такъ дешево отдѣлались.—

-Съ глубокою печалью смотрѣлъ я на молоденькую хорошенькую дѣвушку, дочь Княгининыхъ, какъ эта юнная душа въ конецъ не сломилась отъ горя, но ожесточилась глубоко подъ бременемъ пережитыхъ ужасовъ: разстрѣлъ любимаго отца; арест-

се самой съ замариваньемъ голодомъ, угрозой пытокъ, изнасилованья если не укажетъ гдѣ спрятаны деньги; видъ матери ожидающей съ минуты на минуту смерти; страхъ за брата скрывавшагося отъ разстрѣла; полное разоренье.

Я подымаю черную завѣсу только на волосокъ. Вѣрнѣе всего, что послѣ гибели неслыханной по кровавому сумбуру и злодѣйствамъ власти, задушенная пресса разоблачитъ все и подведетъ итоги.

Глава XIV

Очень богатаго помѣщика Муромцева, крестьяне очень любили и цѣнили за его гуманность, щедрость, всѣмъ оказываемую помощь. Когда совѣтская банда прислала полсотни красноармейцевъ съ цѣлью обворовать домъ, крестьяне вооружившись топорами, цѣпами, косами отстояли его, прислали сотню, и на этотъ разъ крестьяне вышли побѣдителями

тогда выслали двѣ сотни, не только съ ру-
жьями, но и пулеметами. Крестьяне не
сдавались, кричали: «Умремъ за нашего
хорошаго барина, въ обиду не дадимъ. Про-
валивайте, душегубы, грабители проклятые.»
Муромцевъ вышелъ на балконъ со словами:
«Сердечные, душевные братья, большое спа-
сибо вамъ за защиту меня отъ разбой-
никовъ, воровъ. Близкое будущее сосчитается
съ позоромъ несчастной Россіи, но я не
могу допустить чтобы изъ за меня злодѣи
начали избивать васъ и потому я рѣ-
шилъ...(онъ быстро вынулъ револьверъ и
пустилъ себѣ пулю въ високъ.)

Передамъ трагедію разыгравшуюся на
моихъ глазахъ, въ семействѣ связанномъ
со мною дружбою.

Въ Мантурову нагрянулъ трибуналъ
рѣшившій разстрѣливать дезертировъ —
бѣгство со всѣхъ фронтовъ дошло до размѣровъ
невѣроятныхъ - охотниковъ отдавать себя на
искалѣченье и смерть изъ за совѣтскихъ каторжниковъ
было мало... Какъ всякая шѣнущая
власть, она принялась за терроръ свирѣпый,

но безплодный, слѣпая стала затягивать петлю на собственной шеѣ.

Это было наканунѣ взятія бѣлыми Курска, Орла. На ни въ чемъ неповинное семейство Русановыхъ стряслось много невзгодъ. Совѣтская власть нещадно разорила его безумными контрибуціями. Обыски, сопровождаемые грабежами, шли за обысками, аресты за арестами. Преступленіе заключалось въ томъ что отецъ семьи очень хорошо велъ свои дѣла. Отбоя не было отъ покупателей. Особенно выдавались двѣ дочери отличавшіяся не только красотою, но и героическимъ сердцемъ, многостороннимъ образованіемъ. Женихъ старшей дочери Клавдіи, служащій въ сѣверной арміи, послѣ долгой разлуки, рѣшилъ на время посѣтить ее. «Любовь проходитъ тамъ гдѣ и волкамъ опасно проходить» Онъ прошелъ триста верстъ пѣшкомъ, рискуя ежечасно жизнію и наконецъ увидѣлъ крѣпко имъ любимую. Кто зналъ невѣсту изящную, съ тонкими чертами, чарующую въ обращеніи, рѣдкую умомъ, сердцемъ по-

нималъ его вполнѣ. Но огромно радостное свиданье закончилось кровавой трагедiей.

Злая тварь донесла что въ домѣ Русановыхъ скрывается дезертиръ. Его арестовали и въ шесть часовъ времени приговорили къ разстрѣлу; къ жестокости служилъ предлогъ, что отецъ его былъ французъ, а мать-полька. На отчаянныя мольбы дѣвушекъ и всей семьи доказывавшихъ, что онъ явился на короткiй срокъ руководимый не страхомъ фронта, которому, какъ специалистъ электрикъ не подлежалъ, но только одной пламенной любовью. Отвѣчали издѣвками, хвастливымъ заявленiемъ, что трибуналу разстрѣлять человѣка, убить горемъ всю семью, все равно что выпить стаканъ воды, что всѣ личныя чувства вздоръ разъ дѣло идетъ о спасенiи Совѣтской власти.. и люди съ сердцемъ обросшимъ шерстью, зная отлично что она построенная на пыткахъ, убiйствахъ, грабежахъ, неизбѣжно обречена на гибель.

Наканунѣ разстрѣла, отъ семейства Русановыхъ потребовали всѣ его вещи и

деньги; ихъ охотно отослали, думая что казнь отмѣнена и его отправляютъ въ Тимъ – въ тюрьму.

Но казнь состоялась: по очереди несчастные метали жребій. Въ десятомъ часу вечера, его, такъ глубоко, сильно любившаго, всѣмъ рискнувшаго изъ за любви, повели на казнь. Его повели на лугъ противъ дома Русановыхъ. Онъ такъ крѣпко, крѣпко сжималъ образокъ подаренный чудною матерью съ вѣрою, что онъ охранитъ его отъ всѣхъ горестей, несчастій и не сводилъ глазъ полныхъ горючихъ слезъ съ дома невѣсты. Палачи издѣвались надъ образкомъ; били прикладами въ лицо, чтобы не смѣлъ смотрѣть на домъ. Кричали что и ее скоро разстрѣляютъ, что они скоро свидятся на томъ свѣтѣ. Всякими грязными ругательствами величали родителей. Золотой образокъ сорвали съ груди со словами: «За него намъ плюнутъ два штофа водки». Платье облюбовалъ главный палачъ одного роста съ жертвою; сапоги очень хорошіе захватилъ помощникъ.

Въ дрожащаго отъ холода и ужаса близкой разлуки со счастьемъ всей жизни, начали нарочно долго цѣлиться, громко командовать. За минуту до смерти у несчастнаго вырвался крикъ, оледенившій кровь у самыхъ палачей. Тайна крика сошла въ могилу, на секунду озарила необъятную муку истерзавшейся молодой, пылкой души. Разрывною пулей ему снесли черепъ. Мозгъ, кровь обагрили траву. Его бросили въ яму, наполовину залитую водой.

Когда на слѣдующее утро сестра невѣсты посѣтила могилу, она увидѣла голодныхъ собакъ, лизавшихъ мозгъ и кровь разстрѣляннаго.

Совѣтскія кровожадныя собаки въ продолженіи четырехъ лѣтъ замучили, разстрѣляли около двухъ милліоновъ невинныхъ. Описанная много казнь (со словъ очевидцевъ) капля въ бездонномъ, кровавомъ омутѣ.

Могила стала мѣстомъ паломничества. Изъ [illegible] слободы начали стекаться: [illegible] съ цвѣтами, [illegible] умершимъ [illegible]. Много [illegible] на романтической могилѣ.

Отецъ невѣсты обливая слезами обложилъ могилу дерномъ; поставилъ крестъ, увитый вѣнкомъ.

Глубокую симпатію будитъ во мнѣ ~~[illegible]~~ Бретъ-Гартъ, великій психологъ, гуманистъ, умѣвшій въ бездонно погибшей душѣ найти Бога. Его трогающіе до слезъ разсказы о преображеніяхъ падшихъ душъ, о разгорающихся въ глубинахъ душевныхъ божественныхъ искръ, конечно помнятъ многіе...

Потрясенный до глубины души, я прочелъ біографію святого доктора Гааза написанную Кони. Онъ обнималъ со слезами арестантовъ истерзанныхъ плетьми съ выжженными клеймами на лбу, идущихъ съ тяжелыми кандалами на долгую, лютую каторгу искупать свое несчастное рожденье, душевную болѣзнь. И какъ любили святого доктора всѣми отверженные глубоко падшіе люди... Чеховъ, Дорошевичъ наблюдая, изучая каторжниковъ на Сахалинѣ, пришли къ одинаковому выводу — что бравады своими [illegible]ющимися преступленіями, на Божье-

какъ желанье, хоть на минуту уйти отъ грызу-
щей душу совѣсти, огненныхъ блескъ змѣенышей.
Хвастливые безумцы по ночамъ, смертельно
блѣдные, полные невыразимаго ужаса, стонутъ,
рыдаютъ, ихъ давятъ кровавые сны. Сер. Масловъ
въ недавно вышедшей на французскомъ языкѣ
книгѣ: „Россія послѣ четырехъ лѣтъ рево-
люціи" пишетъ, что остервенѣлый палачъ
Чека, латышъ, разстрѣлявшій болѣе шести-
сотъ человѣкъ, задушившій собственными
руками молодую дѣвушку, проводитъ ночи
въ неописуемомъ ужасѣ, его душатъ кро-
вавые кошмары. Въ состояніи близкомъ къ
безумію, онъ всю ночь стрѣляетъ изъ револь-
вера въ стѣны своей комнаты. „Совѣсти
когтистый звѣрь, заимодавецъ грубый, до-
кучный собесѣдникъ, эта вѣдьма отъ коей
меркнетъ мѣсяцъ и могилы смущаются
и мертвыхъ высылаютъ," пишетъ геніальный сердцевѣдецъ Пушкинъ.

До сихъ поръ сохранилъ я вѣру что нѣтъ
того звѣря въ которомъ добромъ [illegible]
[illegible] пробудить человѣка. „Отвер-
женные" романъ Виктора Гюго на-
зовемъ [illegible] Евангеліемъ 19 вѣка

Вѣра моя подтвердилась, Аня дала мнѣ с-
частливѣйшіе часы жизни. Она спасла
отъ неминуемой казни сестру и брата,
отъ отчаянія - всю семью.

Въ карманѣ разстрѣляннаго нашли
письмо невѣсты въ которомъ она фанта-
зируетъ что ея братъ Николай выбранъ
въ начальники зеленой арміи, что она
скрывается въ Мантуровскомъ лѣсу имѣетъ
оружіе, даже пулеметы, что братъ имѣетъ
намѣреніе сдать Мантурову добровольцамъ
генерала Деникина. Председатель трибунала
телеграфировалъ въ Курскъ - арестовать
брата, поступившаго въ армію, и выслать
для разстрѣла, съ нимъ вмѣстѣ должна
была быть разстрѣлена его сестра Клавдія.

Узнавъ объ этомъ, я провелъ ужасную ночь.
Меня мучили тяжкія видѣнія; думалъ всегда.
На разсвѣтѣ я рѣшилъ написать предсѣ-
дателю трибунала знавшаго мое прошлое.

Утромъ меня посѣтилъ отецъ. Рыдая,
просилъ защитить невинныхъ Аню и Бобъ.
Когда я передалъ ему единственное мое
оружіе - письмо, онъ печально прошепталъ:

«Чуетъ мое сердце, что этой ничто не спасетъ даже чудо!» Обнимая его со слезами, я нѣсколько разъ произнесъ: «Вся моя жизнь была непрерывное чудо, я вѣрю въ чудо.»

Черезъ часъ получилъ записку отъ предсѣдателя: «Уважаемый Господинъ Алисовъ. Сообщаю, что дѣло Николая и его сестры Клавдіи не будетъ возбуждаться и все по этому дѣлу кончено.» Благодаря письму, онъ убѣдился что обвиненія носили фантастическій характеръ.

Человѣкъ взялъ верхъ — чудо свершилось. Русскіе отличаются пессимизмомъ, другими словами — гнилыми, слѣпыми червями въ душѣ. Четыре года совѣтской власти могутъ, до извѣстной степени, имъ служить извиненіемъ. Страна выдержавшая эту власть можетъ привести не только къ пессимизму, но и отчаянію. Будь я пессимистъ, не написали письма, братъ и сестра были бы разстрѣляны.

Трагедія росла. Страданія при видѣ всѣхъ ужасовъ жизни, нескончаемыхъ повторяемыхъ преступленій такъ утончили нервы, что я сталъ ясновидящимъ, сталъ

мучительно, болезненно предчувствовать событія.
16 ноября 19 года, ночью раздались удары
въ наружную дверь. Каждый ударъ отрывался
въ моемъ наболѣвшемъ сердцѣ, какъ ударъ
заступа роющаго могилу.

На вопросъ что нужно, отвѣчали: „Пришли для обыска и ареста".

Вошли двое, главный имѣлъ видъ не только
убійцы, но и холоднаго истязателя. Они были съ револьверами и саблями. Начался
обыскъ длившійся до трехъ часовъ утра.
Они перерыли весь домъ; отобрали нѣсколько десятковъ серебряныхъ рублей оставшихся отъ разграбленнаго музея, золотые
часы, браслеты, кольца, цѣпочку. Затѣмъ
грозно потребовали чтобы племянница
ѣхала съ ними одна ночью, никакія просьбы
не помогли. Незадолго передъ отъѣздомъ
главный, уставши отъ обыска, усѣлся и
тогда я увидѣлъ, незамѣченные имъ, какъ
онъ въ задумчивости вытащилъ сильно отточенную саблю и сталъ пробовать лезвіе;
злая улыбка заиграла на лицѣ каторжника. Время показало, что это назрѣвало
преступленіе.

Предсмертное предчувствіе появившееся въ душѣ арестованной овладѣло собою, лицо озарилось загадочною улыбкою. Прощаясь съ матерью и со мною, она нѣсколько разъ повторила: „То моя судьба, ее не обойдешь: что будетъ то будетъ; бояться мнѣ нечего: я никому зла не сдѣлала, ни въ чемъ не виновата. Все кончится какъ было съ арестомъ въ Тиму; я скоро вернусь." Когда за ней захлопнулась дверь, я ясно сознавалъ что то захлопнулась крышка гроба.

Я объяснилъ себѣ предчувствіе огромно разстроенными нервами. Говорилъ себѣ: на ничего не сдѣлала, ни въ чемъ не виновата, она вернется завтра.

Она не вернулась... предчувствія мои были вѣрны... прозванная народомъ „святая барышня" навѣки ушла изъ міра страданья и слезъ въ царство вѣчной тайны, безконечно дивныхъ преображеній, невѣдомыхъ намъ [illegible].

Племянница вся была любовь, состраданіе, самоотверженіе и за эти [illegible] не по времени, приняла мученическій

вѣнецъ. На пятый день ее привезли обезображенную. Саблею, лезвіе которой ощупывалъ палачъ, черепъ былъ снесенъ до подбородка. Ее нашли въ оврагѣ, до-нагу раздѣтую.

Полная невыразимой скорби, склонилась надъ единственною дочерью старушка-мать со словами: «Заройте меня съ нею, заройте!» На нее страшно было смотрѣть: у ней не было слезъ.

Я могу предсказать будущее.. погаснутъ маленькіе недостатки, и выступитъ все божественное. Пройдутъ долгіе годы. Безсмертная мораль, поруганная, залитая кровью, грязью, снова подымется во всей свѣтозарной красотѣ и бѣдная праведница мученица начнетъ творить чудеса. Около ея гроба замерцаютъ лампадки, воскурятся кадильныя благовонія и народъ будетъ молиться объ исцѣленіяхъ и ниспосланія покоя въ горестныя души.

Я свободный мыслитель нахожу что православіе, католичество, возводящіе великихъ мучениковъ, праведниковъ въ святые, вполнѣ трезво-умныя проза_

ически холоднаго порой очень скучнаго про_
тестанства.

Религія обнаженная отъ всего мисти_
ческаго, таинственнаго, чудеснаго, отъ ве_
личавой красоты храмовъ, горящихъ
въ ихъ сумракѣ лампадъ, кадильныхъ
фиміамовъ, экстаза молитвы, музы_
ки органовъ, чуднаго пѣнья, становится
поучительной лекціей, не храмомъ мо_
рали, но залой морали.

Когда мы всѣ станемъ братьями, всѣ
ангелами, святые больше не будутъ подымать_
ся изъ гробовъ... Свѣтъ выходящій изъ ихъ
могилъ потонетъ въ общемъ лучезарномъ
свѣтѣ охватившемъ міръ. Святые успо_
коятся, когда мы всѣ станемъ святыми.

Въ наше страшное безчеловѣчное вре_
мя великіе праведники, мученики пред_
ставляютъ выступы такіе же подав-
ляющіе своею громадностью, такіе же
пламенные какъ выступы на солнцѣ.

Какъ безумно жалки попытки нашимъ
конечнымъ разумомъ проникнуть въ область
на вѣки непостижимаго неохватимаго,
безконечнаго. Пока мы знаемъ только ра_

конъ явленій, но не ихъ сущности... На вопросы зачѣмъ и почему? у насъ нѣтъ отвѣта. Ширится наука, ширится міровая тайна. Непостижимое окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ: нынче Эйнштейнъ, поколебавшій ученіе Ньютона, устраиваетъ эфемерные подмостки, осаждаетъ небо, измѣряетъ неизмѣримое своимъ микроскопическимъ аршиномъ, черезъ нѣсколько лѣтъ Штейнъ устроивъ подмостки нѣсколькими ступеньками выше, будетъ стараться заглянуть туда гдѣ семь полярныхъ звѣздъ сіяютъ въ ярко освѣщенной залѣ безконечной.

Странные люди, они не могутъ устроить свою земную жизнь, смягчить ея ужасающія безобразія, противорѣчія и рядомъ силятся проникнуть въ жизнь исполинскихъ міровъ. Что мнѣ въ томъ, что съ помощью спектральнаго анализа, мы узнаемъ составъ удаленныхъ на безумныя пространства міровъ, только составъ, но не жизнь на нихъ матерію, но не душу міровъ. Число ихъ безконечно, разстоянія между ними измѣряются лучемъ свѣта. Безсиліе науки — сила религіи.

Въ день выноса племянницы, явились мародеры и подъ дикое бряцанье гитары начали сбивать замки со шкафовъ, сундуковъ, дограбливать чудомъ уцѣлѣвшее.

Затѣмъ послѣдовало повелѣніе отобрать огромную библіотеку, славившуюся свѣтъ не только въ Мантурову, но и сосѣднія деревни, и наконецъ все закончилось приказаніемъ Совѣтской власти выселить восьмидесятилѣтнюю старушку, нам! убитой, изъ единственной въ ледяномъ домѣ отапливаемой комнаты, связанной съ самыми свѣтлыми воспоминаніями долгой, счастливой жизни, въ самую темную хату... Этого удара она не вынесла, слегла какъ подкошенная, и черезъ нѣсколько дней скончалась. За нею такъ-же быстро скончалась Н. Е. Кожевникова. Въ бреду ихъ осаждали зловѣщія галлюцинаціи. Воспользовавшись ихъ бредомъ ихъ обокрала лечерка вкравшаяся въ домъ, облагодѣтельствованная ими., въ карманахъ скончавшихся были замѣчены ихъ пос

людныя деньги.

Судьба таинственными путями, послѣ невыносимо мучительныхъ трехъ лѣтъ, сдѣлала меня свидѣтелемъ одной изъ безчисленныхъ трагедій. Полный скорби, я приподнялъ уголокъ завѣсы надъ кровавою бездною, полную безумства и преступленій.

Матери и дочери, послѣ 1905 года – года революціи, давали за имѣніе пять милліоновъ рублей, но онѣ не предчувствуя спускающагося на нихъ медленно неотразимо, ужасающаго будущаго, отказались продать – рубль въ то время былъ 2 франка 65 – и въ концѣ – сроку были лишены всего, доведены до нищеты, ихъ лишили всѣхъ правъ состоянія, точно онѣ были тяжкіе уголовные преступники.

Но сдѣлавъ нищими, совѣтская власть ихъ не оставила въ покоѣ. Не давая вздохнуть, разбивали ихъ нервную систему. Онѣ постоянно слышали шаги за собою: вѣчно страшные;

ихъ жизнь доканывали самыми утонченными издѣваньями, надруганьями.

Послѣ смерти хозяйки, начался ничѣмъ не сдерживаемый грабежъ. Огромный домъ отличавшійся самымъ широкимъ гостепріимствомъ, домъ полная чаша, въ которомъ десятки знакомыхъ семействъ проводили цѣлое лѣто, въ нѣсколько дней превратился въ домъ смерти. Послѣдняя мебель была вытащена, взломаны паркеты, содраны обои, рамы вырваны со стеклами; съ большихъ построекъ, среди бѣлаго дня, снималось съ крыши желѣзо, вытаскивались камни изъ фундамента.

Уйдя изъ дома, я издали не могъ безъ содроганья смотрѣть на домъ. Окна съ вырванными рамами смотрѣли въ таинственномъ свѣтѣ лунныхъ ночей, точно слѣпые страшные глаза. Чудный, дремучій паркъ съ его задумчивыми, тѣнистыми аллеями, ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ, свѣжестью въ самые знойные дни, съ соловьиными трелями, воркованьями

горинокъ любимыхъ птицъ, былъ вы-
рубленъ рѣдкій, плодовыя деревья по-
ломаны. О иронія жизни! Роскошная
усадьба, паркъ, всѣ постройки носили
названіе: „Народная собственность", и туже
народную собственность разворовывали
при солнечномъ свѣтѣ, въ свою личную
пользу, нѣсколько десятковъ пропойцъ,
хулигановъ и слобода въ мѣсто тысячи
душъ не помѣшала. Видно крестья-
-не такъ крѣпко державшіеся за свою
собственность, плохо вѣрили въ воз-
можность превращенія чужой, кра-
деной въ народную, чуяли что ни
одно правительство, претендующее
на это названіе, врядъ-ли признаетъ
разграбленіе, сопряженное убійствами
ни въ чемъ неповинныхъ людей за
порядокъ.

Погибла безцѣльно, ни волосъ не
обогативъ бѣдныхъ, богатая усадь-
ба, погибла семья отличавшаяся
великодушіемъ, гуманностью,
щедростью. Дѣлавшая такъ много
добра не только для своей слободы

но и окрестныхъ деревень, семья пользующаяся всеобщею любовью извѣстностью въ цѣлой губерніи.

Послѣ смерти близкихъ осталась собака съ черною шелковистою шерстью необыкновенно красивая. Ее взяли друзья - сосѣди, но не смотря на ласки, пищу, она недолго выдержала сбѣжала, вернулась въ домъ смерти. Ее видѣли мечущуюся по всѣмъ комнатамъ съ протяжнымъ не воемъ но стономъ. Въ концѣ концовъ она остановилась въ комнатѣ своей умершей хозяйки, легла на пустое мѣсто гдѣ прежде стояла ея кровать. Воръ забравшійся вечеромъ разыскивать не осталось ли что нибудь, что можно взять, началъ гнать собаку, но она крайне кроткая никогда ни на кого не лающая, по его словамъ, съ горящими глазами стала набрасываться на него. Воръ не вполнѣ большевикъ коммунистъ спасался съ бѣгомъ да жизнью но изголодавшаяся собака тяжело-

лась та тишь... Это ночь разсказала ее зло-вѣщій вой, на третій день ее нашли мертвой на пустынной мѣстности, гдѣ стояла кровать замученной старушки.. Когда подъ игомъ черныхъ бандъ стали неотвратимо умирать всѣ человѣческія чувства, собаки проявили ихъ во всемъ величіи, во всей красотѣ..

Все-тихихъ, все такія дворянскія гнѣзда, въ которыхъ очень многіе умѣли жить умомъ и душой, запечатлѣлась въ дивныхъ романахъ нашихъ великихъ писателей.. Они будутъ будить время [illegible] скорби.. Мы любили безпощадно, безсмысленно, затерзанныхъ, испившихъ смертную чашу до дна за всю исторію Россіи, за всѣ тяжелыя ошибки ея роста, началъ выходить освобождающій свѣтъ.

Изъ дворянской среды, вышло все огромное Россіи: Декабристы – первые [illegible] революціонеры вольно пожертвовавшіе, кончившіе висѣлицей и отдаленной Сибирью... Великіе революціонные писатели и отцы извѣстные цѣлому міру. Длинный, длинный рядъ печальниковъ земли русской, все все терявшихъ при торжествѣ ихъ идеи, крестъ жизни, гибель въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ, ледяныхъ пустыняхъ Сибири [illegible]

Въ безотрадномъ изгнаньи были имъ наградой,.. Изъ ея недръ вышла поражающая геніемъ оригинальность литература, наука, художество, искусство, военная доблесть, нескончаемый [illegible] героизма.

Сожженые, разграбленные усадьбы съ тѣнистыми, задумчивыми парками, садами, майскими ночами съ немолчными соловьиными трелями, романтичными встрѣчами, любовными чарами, нынѣ, воскреснутъ во всей своей прошлой лучезарной красѣ въ волшебныхъ декораціяхъ будущихъ художественныхъ театровъ, въ игрѣ большихъ артистовъ..

Сны волшебные, позабытые, погасшія чудныя картины начнутъ наружу выплывать и кто знаетъ может быть это будетъ живая вода, которая оживитъ въ мертвыхъ душахъ совѣсть, справедливость, и невинно погибшіе перестанутъ казаться такими грѣшниками, какими они кажутся теперь праведникамъ Вѣчка...

Вот пережитыя страданья, мысли днями волнующіяся меня, что я почти четыре года томилось въ полной невозможности выѣхать за границу, увидѣть передъ

близящейся смертью, глубоко любимую семью и кончить жизнь спокойно въ свободной, ставшей для меня второй родиной странѣ, въ первой столицѣ міра, доводили меня до отчаянія. Я сталъ бояться что въ порывѣ моментальнаго сумашествія, забуду скорбную миссію, кончу самоубійствомъ. Не вѣрь весь въ Россіи что кровавый кошмаръ не нынче завтра кончится, несомнѣнно что самоубійство стало бы печальнымъ удѣломъ большинства.

Успокоила мою изнемогающую душу семья Русановыхъ, окруживъ (нѣжными) заботами, дружбой, вниманіемъ. Во время моего долгаго пребыванія въ провинціи, затѣмъ по пути въ Ростовъ, въ Москву и въ самой Москвѣ я встрѣтилъ много прекрасныхъ людей отогрѣвшихъ холодѣющую душу. Не прорѣзай по временамъ яркіе лучи кромѣшное царство — всѣмъ нервнымъ, глубо чувствующимъ людямъ неизбѣжно грозило бы сумашествіе, полная потеря вѣры въ будущее Россіи.

Мать семейства, несмотря на то

что была много моложе меня, стала для меня самой душевной матерью. Я полюбилъ всю семью, но особенно со-шелся съ двумя дочерьми: Клавдiей, невѣстой разстрѣляннаго, и Софьей Александровной. Онѣ могли соперничать съ прекрасными героинями романовъ Толстого, Тургенева, Гончарова. Красота душевная озаряла ихъ чарующiя личики, алчущiя жаждущiя всего высокаго. Онѣ глубоко страдали затерянныя въ деревнѣ. Образованныя, начитанныя большiя труженицы, блестящiя учительницы въ школѣ, онѣ могли бы только развернуть всѣ свои силы въ столицѣ... Я вѣрю что имъ предстоитъ большое будущее. Можетъ быть таинственная судьба озаритъ счастьемъ старшую дочь, немного смягчитъ трагедiю ея жизни - гибель жениха. Утѣшаю себя, что я въ продолженiи всей моей долгой жизни приносившiй всѣмъ счастье, принесу имъ, и онѣ истрадавшiеся, разоренные, преслѣдуемые,

ни въ чемъ неповинные, съ водвореніемъ настоящаго правительства, обрѣтутъ вполнѣ заслуженное счастье и прежнее довольство.

Я вѣрю въ близкое крушеніе безумной власти.... Безуміе въ средніе вѣка не разъ охватывало цѣлые города, селенія, но исторія не знаетъ пока ни одного примѣра чтобы оно охвативъ цѣлую огромную страну, стало героическимъ.

Заключенiе.

Люди хорошо знакомые съ тѣмъ что творится въ Россiи, читая газеты, поражаются непозволительнымъ утрированiемъ ничтожныхъ Совѣтскихъ силъ, его разлагающейся изо дня въ день эфемерной армiи.

Несмотря на феноменальную слѣпоту и тупость совѣтскихъ пигмеевъ задолбившихъ, извратившихъ Маркса, врядъ-ли можно сомнѣваться что они давно не поняли, что почва уплываетъ изъ подъ ногъ, что ихъ краплёныя шулерскiя карты всѣми обнаружены, что ихъ поворотъ на право неизбѣженъ и въ тоже время фаталенъ, для нихъ. Новые капиталисты созданные ими путемъ разграбленiя всей Россiи, въ своемъ родѣ - статуя Командора несущая смерть захватчикамъ осмѣлившимся считать себя правительствомъ.

Новыхъ неслыханныхъ въ мiрѣ капиталистовъ - буржуя нескивщихся Европѣ-

уничтожитъ только настоящее правительство и не только оно безпощадно покараетъ ихъ, но и вся Россія разграбленная ими, истязуемая, растлѣваемая, доведенная въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ до людоѣдства. Паразиты буржуазіи конечно не справятся съ награбленными деньгами и они неизбѣжно перейдутъ въ руки умныхъ, опытныхъ порядочныхъ людей по законъ услуги.

Совѣтская власть съ свойственной ей наглостью, отчаянно шантажируетъ, пытается запугать Европу, знающую всю ея подноготную, своею полутора милльонной арміей.

Но спрашивается откуда же взялась эта поразительная армія? Мы знаемъ что всѣ возбуждающія гнѣвъ, ненависть ~~[illegible]~~ мобилизаціи позорно кончались поголовнымъ, несмотря на разстрѣлы, дезертирствомъ. Уцѣлѣвшія арміи начинаютъ сознавать ясно что идѣ за тухлыхъ селедокъ, хлѣба изъ навоза имъ разбитымъ, разутымъ идти

на искалеченье, смерть болѣе чѣмъ безумно, что бы существами они защищаются: голодъ, холодъ, наготу и метущія цѣлыя населенья эпидеміи, словомъ кровавую сумятицу.. Сколько, сколько разъ отъ самихъ красноармейцевъ въ большинствѣ бывшихъ подпомущиковъ я слышалъ: „Деваться некуда, терять нечего, сражаемся за жидовъ Троцкаго и сифилитика Ильича, приходится колючиться, околевать..“ Подумать мерзко, что ~~жидъ~~ Лейба порхатый, отъ воинской повинности удравшій, арміей командуетъ, до этихъ поръ вмѣсто [illegible] говоритъ, недавно брякнулъ: „Мы всѣхъ буржуевъ цѣлаго міра въ нищихъ обратимъ!“ а пока онъ изъ нихъ чугуновыки власть вокругъ новенькіе всю Россію обокравшіе буржуи растутъ. Давно ли мы жидовъ душили: по всѣмъ деревнямъ народъ намъ вслѣдъ кричитъ:
— Наемники треклятые, жидовъ разграбившихъ сгубившихъ Россію — защищаете. Если явитесь ваши домой приплестися, мы вамъ все вспомнимъ! —

Не убей совѣтскіе банды независимую прессу, они давно бы все это узнали и кто знаетъ, можетъ быть

сократили бы свои звѣрства.

Красная армія уже довольно часто стала отказываться смирять всюду вспыхивающія возстанья. Приходится пускать въ ходъ, за огромныя деньги, азіатовъ, хунгузовъ китайцевъ. Наши солдаты храбрые когда ими двигалъ патріотизмъ, стали сдаваться при первомъ встрѣчѣ недостаго врага, если защищались, то только при мысли, что никому изъ нихъ пощады не будетъ.

Хотя вся Россія въ послѣдніе пять лѣтъ превратилась въ домъ буйныхъ помѣшанныхъ, но и въ сумашедшихъ домахъ ничего подобнаго что творится въ Россіи, пока не свершалось.

Въ Парижѣ мнѣ со смѣхомъ спрашивали: „На какія деньги, эти выпрашивающіе у насъ, купили оружіе, снаряды, одежду, обувь для полутора милліоной арміи, чѣмъ они ее прокармливаютъ, разъ во многихъ мѣстахъ дошло до пожиранья человѣчины; кто ею будетъ командовать

[illegible] известно, что [illegible] тысяч [illegible] [illegible] или [illegible] или убито; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] со [illegible] [illegible] [illegible] в [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; когда [illegible] уже не на чем доставлять хлеб миллионам умирающим с голоду. Упорно ходят слухи что хлеб [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] золото и пропустить его в свои карманы, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]...

„Зазнавшиеся вши I. и лезут на [illegible] [illegible] золотом амбиции и на большевистский рубль-амуниции..."

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] что им за его неисчислимые преступления, и дережи-[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] тысяч жертв на Украине, а вряд ли не большее число в Польше – и в партизанской войне от рук

I. [illegible].

Махно... Онъ по пятамъ на [illegible] [illegible]

золотомъ по арміи, не только губилъ ненавидимую

имъ Россію, но и свою злосчастную расу.

Евреи в Россіи и за границей, начинаютъ много-

ясно сознавать. Благодаря продажнымъ, подлымъ

писакамъ скрывающимъ истину, они не знаютъ

что озлобленная Россія всѣ несчастья [illegible]

[illegible] приписываетъ евреямъ

мстящимъ за погромы, на нихъ все обрушится,

[illegible] нихъ [illegible] [illegible].

Пока правдивая исторія укажетъ

и [illegible] [illegible] [illegible] евреевъ [illegible]

руки въ крови. сгибшихъ, ни въ чемъ неповинныхъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

отвѣтчиками за всѣхъ..

Троцкому приписывается пролитая

потоками кровь [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]

и вообще землевладѣльцевъ, всю ихъ=

теллигенцію... Мы, евреи, сдѣлаемся полновластными владыками невѣжественной, темной Россіи. Мы созовемъ со всего міра всѣхъ евреевъ въ ея нѣдра. Все заберемъ въ свои руки, и армія изъ азіатовъ укрѣпитъ нашу власть на вѣки. Евреи рано или поздно станутъ побѣдителями, властителями всего міра.»

Говорить нечего что Троцкій, несмотря на свою ограниченность, не могъ впасть въ такое идіотское самомнѣніе, но страшное несчастье для евреевъ, что эти омерзительныя безумные ~~слова~~ ~~[illegible]~~ ему приписываются, выдаются за неоспоримое вѣрное.

Самые страшные враги еврейства хотя конечно будучи безжалостно перерѣзали миллионы невинных ~~людей~~ — псевдонимы евреи захватившие власть, стоящие во главе кровавой сумятицы...

Палачи съ которыми я встрѣчался были какъ нарочно всѣ русскіе, Конечно съ уголовнымъ прошлымъ или, несмотря на русскія фамиліи, съ азіатскими физіономіями. Феноменальный садистъ истязатель, глава Вечека, Дзержинскій — полякъ, католикъ, тогда какъ еврей Уншлихтъ, замѣнившій его, по слухамъ, человѣкъ мягкій,

деликатный, повидимому не намѣревающійся продолжать съ застѣночную дѣятельность. Въ отношеніи меня Уншлихтъ былъ чрезвычайно предупредителенъ, ускорилъ выдачу мнѣ проѣзда во Францію.

Малюткѣ Дзержинскому приписываютъ очень глубокомысленную фразу. Видимо онъ большой психологъ. Характеризируетъ онъ своихъ вѣчно пьяныхъ, замѣчныхъ мастеровъ слѣдующимъ образомъ: „Пока они работаютъ, (т.е. заливаютъ растопленный свинецъ въ раны; раздавливаютъ медленно голову между двумя досками; тянутъ жилы; выворачиваютъ суставы) они вполнѣ на своемъ мѣстѣ и ихъ нѣкѣмъ замѣнить, но когда въ нихъ не будетъ болѣе надобности, ихъ разстрѣляютъ - выпустить ихъ живыми нельзя."

Когда благодаря Вильгельмовскимъ провокаторамъ, явившимся въ Россію въ запломбированномъ вагонѣ, армія стала разбѣгаться, имѣя ввиду

захватывать чужую землю. Совѣтская ~~власть~~ деспотія стала набирать красную ~~армію~~ изъ отребья, великодушно разрѣшивъ убивать, грабить, насильничать. Разъ совѣтскимъ бандамъ удалось захватить, никѣмъ не защищаемые, пулеметы, ружья, снаряды, разграбить дворцы, банки, частные богатые дома, завоеванье Россіи стало дѣломъ очень легкимъ.
Въ захваченныхъ въ расплохъ городахъ, сопротивленье проявлялось рѣдко. Но въ концѣ восемнадцатаго года начали быстро формироваться бѣлыя арміи и если онѣ, послѣ блистательныхъ побѣдъ, въ концѣ были побѣждены, то это отнюдь не связано съ силою, храбростью Красной арміи. Бѣлые не одержали полной и окончательной побѣды благодаря отсутствію строго выработанной программы, по временамъ, недостатку такта; быстрому возврату собственности; расправѣ — болѣе чѣмъ понятной — съ убійцами, грабителями. Не дожидая сформированья настоящаго правительства,

они несли съ собою прокунсiаменто и запугивали большевиковъ, что бѣлыя арміи будутъ всюду безпощадно расправляться съ насильниками, ворами (имъ уже нѣтъ числа) какъ бы оправдывались... Красноармейцы - ловко просачивались въ бѣлыя арміи, всюду гдѣ во... открыто насильничали, грабили, сваливая на бѣлыхъ.

Народъ хотя уже и начинавшій понимать совѣтскую власть и ненавидѣть ее, остановился на перепутьи двухъ дорогъ и не поддерживалъ бѣлыхъ армій. Радость съ которой онъ насъ встрѣчалъ, отравлялась предчувствіемъ расплаты за грустныя дѣла. Но несмотря на промахи, поспѣшность рѣшительныхъ мѣръ, всюду гдѣ водворялись бѣлые закипала свободная торговля, водворялись спокойствіе, порядокъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ; цѣны на все падали, рынки становились переполненными.

По пути въ Ростовъ, мнѣ прихо-

дилось часто сталкиваться съ офице-
рами бѣлой арміи, необыкновенно лю-
безными, горячо принимающими ужасы
переживаемые родиной, не останавли-
вающимися передъ возможностью страш-
ной гибели ввиду спасенья родины.
На мое замѣчанье что суровыя распра-
вы, были вредны великому дѣлу, они
всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: « У насъ
нѣтъ офицера у котораго совѣтскіе
палачи не затерзали, не убили бы
отца или мать, жену, дѣтей, не
разграбили имущества. Поневолѣ, нес-
мотря на всѣ усилія, мы не могли
сдержать святой мести. Не мы пер-
вые начали. Они творили нескончае-
мыя преступленья, губя родину. мы-
спасая расправляемся - съ каторжни-
ками, прикрывающимися Марксомъ.»

Говорить о томъ что вся Россія без-
ропотно выносила совѣтскихъ захват-
чиковъ, было бы большою несправедли-
востью. Съ водвореньемъ большевиковъ:
востанья не прекращались по всей

Россіи. Рядомъ съ бѣлыми арміями, всюду грозно выступали партизанскіе отряды. Съ однимъ Махно, безпощадно разстрѣливавшимъ всѣхъ комиссаровъ коммунистовъ, евреевъ, Красныя арміи не могли справиться въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Конечно не нынче, завтра новыя, умудренныя опытомъ бѣлыя арміи раздавятъ ихъ оконча_тельно, потопятъ въ крови и грязи.

Диктатура Вечека пускающая въ ходъ самый грубый шантажъ, хвас_таясь побѣдами, забыла цѣлый рядъ самыхъ постыдныхъ пораженій. Нѣмцы съ незначительной арміей, быстро взя_ли весь югъ, Украйну. При одномъ ихъ приближеніи, за сто верстъ, тру_сы бросали оружіе, съ плачемъ про_сили дать переодѣться, но злодѣй_ства ихъ были такъ ужасны, что часто мать предавала сына, усна_путся со словами: „Подѣломъ тебѣ во_рюга, довольно нарасбойничалъ, подѣ_ломъ тебѣ!" И пока нѣмцы не

были побуждены на западномъ фронтѣ, на всемъ Югѣ царилъ образцовый порядокъ. Железно-дорожныя станціи, превращенные въ хлѣвы отъ которыхъ за границей сами свиньи отвернулись бы съ нескрываемымъ отвращеніемъ, были тщательно вычищены; улицы, дома приведены въ блестящій видъ; рынки стали переполняться; цѣны на все необходимое огромно упали; вагоны всѣхъ классовъ снова стали циркулировать всюду. Публика была пускаема по билетамъ, взявшій билетъ получалъ мѣсто. Измученные, ограбленные жители встрѣчали всюду нѣмцевъ съ цвѣтами.

Когда грозныя арміи диктатуры пролетаріата, съ свойственнымъ имъ бахвальствомъ, криками: „Громъ побѣды раздавайся, идетъ красный росъ" ринулись брать Варшаву, онѣ неожиданно натолкнулись на поразительный сюрпризъ — ихъ разбили на голову, отобрали оружіе, и только изумительное бѣгство спасло часть арміи отъ полной

шей гибели.

Многіе офицеры, подъ угрозой пытки, смерти, уничтоженья ихъ семей, служащіе въ красной арміи, съ горькимъ смѣхомъ говорили мнѣ: „До чего изоврались подлые газетчики Вечека, убивъ всю независимую прессу, заткнувъ всѣмъ ротъ, они орудуютъ во всю, пользуясь первобытной свободой. Намъ не разъ приходилось прочитывать объ одержанныхъ нами побѣдахъ, тогда какъ мы, одерживающіе побѣды, знаемъ что при первыхъ выстрѣлахъ наши красные солдатишки бросали оружіе, перебѣгали къ великому нашему удовольствію, на сторону враговъ, или же [illegible] во [illegible] удирали...“

Ненависть къ тираніи пролетаріевъ черезъ чуръ ясно выражается въ нескончаемыхъ возстаньяхъ, бьющихъ ихъ партизанскихъ отрядахъ, въ сарказмахъ, каламбурахъ, ѣдкихъ остротахъ разгуливающихъ всюду, несмотря на неимовѣрное число шпіоновъ охранки... Отвращенье къ нимъ сказывается въ полныхъ омерзенья подпольныхъ слухахъ. Они всѣми берутся на вѣру. Въ кос-

леднее время дошло до того, что многие увѣряютъ, что въ самой Москвѣ и главныхъ городахъ продаютъ въ мясныхъ лавкахъ мясо разстрѣлянныхъ. Особенной привилегией, доходностью пользуются трупы молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Тѣми же разстрѣленными откармливаютъ животныхъ въ зоологическомъ саду. На что же ихъ считаютъ способными, разъ вѣрятъ подобнымъ слухамъ.

Большевики звѣрски убили не только обезоруженнаго Николая, но и его ~~[illegible]~~ неизлечимо больнаго сына, жену, дочерей и свиту самоотверженно сопровождавшую ихъ. По упорнымъ слухамъ, они убили ни въ чемъ неповиннаго Михаила; историка Николай Михайловича; дѣтей президента академіи - Константина. Гибель Михаила объясняется очень просто: Россія деревень мечтала его выбрать въ цари. Всюду распространялись слухи что о немъ пророчествуютъ Библія и Евангелье. Всѣ увѣрены что совѣтская власть - царство Антихриста. Когда въ одной

большой грамотной свободы, которые при-
вивать мiръ, всѣ въ одинъ голосъ стали –
утверждать, что последние дни насту-
пают, что [illegible] желанiе Антихриста –
уже и призывают сей народ на [illegible]
отказался. Единственно заявили что жертв
предпочитают смерти, чтобы клеймо Сатаны
обрекающее на вечные муки...

Сведущие, крайне тупые людишки
видимо ослепленные своим чрезмерным
царелюбием, думают в порывах злостного
безумия учредить новую сказочную Романiю
с царем-большевиком, коммунистом...

Но случись что нибудь подобное в стран
ѣ невозможностей и [illegible] сомненiе, не
будет человека в России который не проклянет
час рождения и страну несчастнейшую из несча-
стных жалчайшую и презираемую... [illegible]=

щуюся въ ночь безъ разсвѣта, недостойную даже стать колоніей.

Въ будущемъ бранъ: „большевикъ" затмитъ излюбленную — по матерному, будетъ вызывать пощечину.

Совѣтская сумятица въ послѣдній урожайный годъ, съ оружіемъ въ рукахъ, вытянула весь хлѣбъ у голодающихъ теперь губерній, могущій въ неурожайные годы спасти ихъ отъ ужасающаго голода, доведшаго до вымиранья миллионовъ людей, до пожиранья родителями собственныхъ дѣтей. Хлѣбъ былъ нуженъ для Каиновъ-наемниковъ пока спасающихъ ее.

Всемъ существомъ, всеми истерзанными нервами я пережилъ диктатуру пролетарьята, другими словами — тиранію массъ превратившую всѣ дома въ стеклянные. Денно и нощно она подсматривала, шпіонила частную жизнь. Каждый проглоченный кусокъ становился извѣстнымъ, болью въ душѣ, тупые, невѣжественные доносили злостно, холодно подводили подъ пытки и разстрѣлъ. Это изъ ихъ нѣдръ выползла кровая испытза—

тельница - Вечека. Она - плоть пролетарская.
Изо дня въ день, я наблюдалъ проклятую диктатуру. Она входила въ дома заподозренныхъ въ храненіи цѣннаго имущества въ глубокую ночь съ выстрѣлами, ~~воплемъ~~, ~~съ~~ площадною бранью, переворачивала весь домъ, цѣнное крала, доводила женщинъ, дѣвушекъ скабрезными издевками, похабщиной до истерикъ, нервныхъ, тяжкихъ болѣзней. Она не выносила малѣйшаго звука противорѣчія, пьяная - грозила револьверомъ.

Я видѣлъ осатанѣвшія массы пролетаріевъ безъ Христа и морали и я, до глубокой старости не молившійся, сталъ горячо молиться. Мнѣ стала страшна жизнь, страшно за человѣка. Я сталъ искать опоры въ мірѣ таинственномъ, непостижимомъ чтобы не сойти съ ума!

Совѣтская власть за четыре года обкрадывая всѣхъ энергичныхъ, умныхъ, опытныхъ людей; отнявшая у нихъ всю возможность дѣятельности; превратившая всѣхъ буржуя въ пролетаріевъ, создала